

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Москва-сити

Фридрих Евсеевич Незнанский

Москва-сити

Серия «Марш Турецкого»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137739
Москва-сити: АСТ, Олимп; М.: 2001
ISBN 5-17-013241-7, 5-7390-1152-3*

Аннотация

Зимнее утро 2000 года... Утро, когда на тихой московской улице было совершено покушение на одного из крупнейших чиновников нашей страны... Дело рук кого-то, кому невыгодна профессиональная деятельность потерпевшего? Попытка «убрать» человека, от которого зависели судьбы слишком многих крупных компаний? Возможно. По крайней мере, таковы «официальные версии» расследования. Но может, это — женская месть красавицы авантюристки, выросшей в мафиозном клане?... Александр Турецкий начинает собственное расследование дела — и очень скоро понимает, что самые очевидные факты здесь — далеко не столь очевидны, сколь кажутся, а самые неопровержимые улики — далеко не так неопровержимы, как выглядят!..

Содержание

Пролог	4
Совещание у Калинченко	9
В генпрокуратуре	35
Турецкий	47
Место происшествия	58
Оперуполномоченный Мура старший лейтенант милиции Елена Елагина	89
Топуридзе	111
Младший советник юстиции Якимцев	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Фридрих Незнанский

Москва-сити

Пролог

В тусклое пространство декабрьского утра, зажатого между домами и домишками старого московского переулочка, выкатилась большая представительская машина и плавно притормозила, послушная воле водителя, вынужденного пропустить замешкавшегося на перекрестке пешехода. Это была иномарка, и если бы не ее плотно тонированные стекла, то можно было бы увидеть, что люди в машине сидят непривычно — пассажир слева, водитель справа — и что водитель уже нервничает, поскольку пешеход почему-то не торопится освобождать проезжую часть, и без того суженную из-за снежных насыпей, образовавшихся, как обычно в это время, по краям мостовой.

— Не дергайтесь, не дергайтесь, Иван Иванович, — сказал водителю пассажир с едва приметным кавказским акцентом. — Успеваем десять раз...

Водитель согласно, хотя и угрюмо, кивнул: ладно, мол, не буду, Георгий Андреевич. И вдруг время словно остановилось, и оба они, и водитель и пассажир, увидели прямо перед глазами ровную строчку аккуратных небольших дырочек, а

потом слышали несильное щелканье по стеклу, от которого и образовывались эти дырочки, и похожий на звук ножной швейной машинки перестук непрерывной автоматной очереди...

В следующий момент пассажир почувствовал сильный удар в руку, которая тут же загорелась нестерпимой болью, удар этот словно сразу превратил его в другого человека, иначе как объяснить, что Георгий Андреевич своими расширившимися от боли глазами увидел одновременно и бьющийся в руках замешкавшегося прохожего автомат с деревянным прикладом, и валящегося на рулевое колесо окровавленного Ивана Ивановича.

«Убили! — сквозь мгновенно охватившее все его существо оцепенение подумал пассажир. — Он по нас стреляет... Из автомата стреляет!...»

И еще он с удивлением подумал, что не испытывает настоящего страха, до того все это было похоже не то на сон, не то на видеофильм: мирное, сонное утро, он едет на работу, на обычное по средам заседание московского правительства, и вдруг все это — остановившееся время, хладнокровно уверенный в собственной безнаказанности убийца, не перестающий стучать автомат и перекошенное от смертного ужаса лицо водителя. И абсолютно никакого значения не имело то обстоятельство, что Иван Иванович еще и телохранитель, что у него самого в плечевой кобуре торчит большой скорострельный «глок», которому он еще десять минут

назад радовался, как мальчишка...

Каким-то мгновенным проблеском памяти Георгий Андреевич вспомнил, как читал однажды про инкассатора, который сумел увернуться от пущенной в него пули, потому что вот таким же, как у него сейчас, остановившимся зрением сумел эту самую пулю... увидеть. Тогда, читая, Георгий Андреевич воспринимал ту историю как сказку. Сейчас, будто и впрямь увидев, как летят веером в их сторону пули, он почему-то даже не думал уклоняться от них — в глубине души его не покидала надежда на то, что он все еще спит и видит какой-то сон, какой-то ночной кошмар. Слишком уж много неправильного, неправдоподобного было во всем происходящем. Во-первых, время было самое начало десятилетия, — ну кто, скажите на милость, устраивает покушения в такую рань?! Во-вторых, место. Место глупее нельзя было придумать. Георгия Андреевича встретили у непростого дома — этот современной постройки четырехэтажный особняк, стоящий в некоторой глубине, обнесенный высокой, в человеческий рост, оградой, обсаженный криптомериями и голубыми елями, был знаменит тем, что некогда в нем проживали члены политбюро правящей партии — двоим из них даже были повешены мемориальные доски. С другой же стороны переулка, почти напротив барского дома, была хитрая контора, именуемая «Квант», на высоком каменном крыльце которой всегда торчал вооруженный охранник. Георгий Андреевич даже увидел сейчас, как охранник, готовый прийти

на помощь, уже тянется к своей кобуре.

Этот, который напал на него, был либо какой-нибудь обкурившийся или нанюхавшийся, либо нездешний, неместный: местный здесь, в узком старинном переулке, в самом центре города, никогда в жизни стрелять не стал бы. Если он, конечно, не самоубийца, не камикадзе. Местный либо заложил бы бомбу в урну (так было, когда покушались на вице-мэра), либо прибегнул бы к снайперской винтовке — бил бы откуда-нибудь исподтишка, но зато наверняка (так было недавно с министром образования города)... Словом, Георгию Андреевичу трудно было вот так, сразу, поверить в то, что все происходит взаправду, пока он не увидел еще раз, как заливается кровью даже и не попытавшийся вытащить свой пистолет водитель, как стекленеют его ставшие подозрительно неподвижными глаза, пока не почувствовал, как больно и горячо ударило еще и еще раз его самого — сначала в бок, а потом разрывающей внутренности болью обожгло живот, да так нестерпимо, что он, теряя от этой боли сознание, начал сползать вниз, на резиновый коврик машины.

Однако с этой болью время окончательно вернулось к своему нормальному течению, а вместе с тем вернулись и пропавшие было звуки: Георгий Андреевич услышал чей-то забористый мат и не столько увидел, сколько понял, что киллер почему-то с досадой бросает на тротуар, себе под ноги, переставший стрекотать автомат, и хорошо разглядел снизу, из своего укрытия, как он, крича что-то непонятное, показы-

вает рукой куда-то в сторону «Кванта». Потом он услышал, как кто-то приказал громко и властно: «Добей гада!» — а в следующий момент с правой стороны, где сидел водитель, раздался звук удара, с треском вылетело, не рассыпавшись, надежное японское стекло, и кто-то, сунув в салон руку с пистолетом, выстрелил в уже мертвеющий затылок Ивана Ивановича. Георгий Андреевич в ужасе совсем вжался в грязноватый коврик и замер, закрыв голову руками; неизвестно, чего он сейчас боялся больше: своей пули или того, что его прямо сейчас начнет рвать от приторного запаха свежей крови...

Он не знал, сколько просидел так. Сначала затих хруст шагов убийц, разбегающихся по переулку в разные стороны. Потом засигналила, загудела какая-то машина, которой, видимо, его «ниссан» перегородил дорогу. И только тут он, осторожно открыв дверцу, выпал на мокрый, похожий на какую-то тюремную кашу неприятный, смешанный с солью столичный снег.

Совещание у Калинченко

В качестве начальника следственной части Калинченко появился в следственном управлении Мосгорпрокуратуры вскоре после того, как с недавней сменой руководства московской милиции начались штатные замены на всех мало-мальски заметных в правоохранительных структурах города должностях. И замены эти, на взгляд следователя Якимцева, были совсем не на пользу делу, потому что уходили настоящие профессионалы, а приходили зачастую люди, кому-то там, наверху, нужные, свои. Именно так, похоже, обстояло дело и с Юрием Степановичем Калинченко. Ему покровительствовал один из новых замов генпрокурора, с которым они еще недавно служили в губернском волжском городе, вместе ездили на охоту и на рыбалку, вместе парились в баньках со спецобслуживанием, дружили семьями и имели общие от жен тайны и так далее со всеми вытекающими и втекающими... Придя к ним в Мосгорпрокуратуру, Юрий Степанович первым делом стал выяснять, кто у них кого «крышует». «А что это значит?» — простодушно спросил у него один из следователей. Нет, слово-то это он прекрасно знал, только не очень понимал, как можно «крышевать» кого-то в следственном управлении Мосгорпрокуратуры. «Ты целку-то из себя не строй! — со смешком осадил его Калинченко. — Прекрасно понимаешь, о чем я. Не будешь же ты

мне лапшу на уши вешать, что все вы тут, в вашей сраной Москве, на одно жалованье живете! Смеху подобно: сидеть на уловке — и с урками общий язык не найти! Да я ни в жизнь не поверю!» У бедняги следователя, имеющего за плечами двадцать лет беспорочной службы и не одну благодарность от генерального прокурора, аж с сердцем плохо стало: «В-вы... вы... Как вы смеете! И вообще, что вы мне тычете! Мы с вами коров вместе не пасли!» В итоге не помогли и двадцать лет беспорочной службы — пришлось непонятливому следователю через неделю подавать по собственному...

Калинченко был прост и прямолинеен и ничуть не скрывал своего истинного отношения к делу: без правильных слов руководителю, конечно, нельзя, но правильные слова — это одно, а что ты думаешь на самом деле — это совсем другое... Короче, за считанные недели состав следственного управления обновился чуть ли не наполовину...

Евгений Павлович Якимцев, следователь по особо важным делам, возглавивший следственно-оперативную группу по расследованию дела по факту покушения на вице-премьера правительства города Москвы Георгия Андреевича Топуридзе, шел на это совещание неохотно. Сейчас надо было действовать по горячим следам, а не штаны для галочки протирать. Но приказ начальства есть приказ начальства. Он даже схему места происшествия подготовил к своему докладу — для наглядности.

— Я собрал вас для того, как вы понимаете, — начал Ка-

линченко, — чтобы обсудить первые итоги работы вашей бригады и наметить главные направления. Раненый — человек в городе немаленький, лицо, приближенное к мэру. Кстати, мэр уже звонил, поставил меня в известность: он, видите ли, берет дело на свой особый контроль... Ну это нам, как говорится, по барабану, мы мэру не подчиняемся, а вот то, что расследованием интересуется сам генеральный прокурор, — это должно нас всех, как говорится, мобилизовать...

Включенная в группу Якимцева оперуполномоченный от МУРа старший лейтенант Лена Елагина невольно передернулась от этого холуйства, вообще от всей этой тирады: там одного человека подстрелили, второй убит, и не где-нибудь, а в самом центре столицы, среди бела дня, преступники разгуливают как ни в чем не бывало, а этот буровит о чем угодно, только не о деле! Она уже напряглась — как всегда, когда ей приходилось идти на какой-нибудь отчаянный шаг, но вдруг обнаружила, что кто-то успокаивающе похлопывает ее по руке: не надо, мол, не дергайся, девочка. Она недоуменно подняла глаза — оказалось, веселый старший оперуполномоченный капитан Сидорчук, тоже их, муровский, тоже прикомандированный по распоряжению генерала Грязнова к группе Якимцева. Лена и раньше не раз ловила на себе его заинтересованный и участливый взгляд, а потому сейчас покраснела, руку сердито убрала. Вообще-то спасибо за заботу, но все равно... Все равно она молчать не будет! Это они все тут притерпелись, а она не такая и никогда такой, как они, не

будет! Не сейчас, так позже, но все равно, если потребуется, скажет этому бурбону все, что о нем думает.

— Я попросил бы Евгения Павловича еще раз для нас для всех обрисовать картину происшедшего и доложить основные соображения по ходу расследования этого м-м... дерзкого преступления. Пожалуйста, Евгений Павлович! — решил Калинин и добавил, не удержавшись от легкой издевки: — Желательно о том, что не попало в репортажи телевизионщиков...

Якимцев встал, подошел к своей схеме и начал, сделав вид, что не заметил подковырки начальника следственной части:

— Ну что ж, постараюсь... Хотя начну как раз с похвалы телевизионщикам. Приходится констатировать, что, несмотря на все препятствия, которые мы им чинили, телевизионщики очень верно донесли сам дух криминального происшествия, о котором идет речь... Совершенно преступление, я бы сказал, необычное по своей дерзости даже для нашего времени, когда, кажется, никого уже ничем нельзя удивить. Вот как выглядит картина в результате проделанной нами работы. Машина Топуридзе была обстреляна вот здесь, в старом центре города, в Клеонтьевском переулке, возле дома, некогда принадлежавшего управлению делами ЦК КПСС. Дом обнесен оградой, которая раньше охранялась по всему периметру...

— Да уж, тут, в Москве, куда ни плюнь — обязательно в

начальство попадешь, — хмыкнул Калинин. — Так что там с охраной?

— Теперь охранник, к сожалению, как правило, находится внутри дома, выполняет роль консьержа...

— Так, с этим понятно, — снова прервал его Калинин, — пожалуйста, давайте о сути.

— Я, кажется, от сути пока еще не отклонялся, — огрызнулся Якимцев. — Судя по всему, преступникам был хорошо известен тот факт, что Топуридзе примерно в одно и то же время спешит на совещание в здание правительства Москвы, которое находится примерно в полукилометре. К моменту нашего приезда на месте происшествия поработала дежурная оперативная группа ГУВД, в которой были оперативники из управления внутренних дел Центрального округа Москвы. Как и положено, первой на место убийства выезжает оперативно-следственная группа ГУВД, куда входят дежурный следователь из системы Мосгорпрокуратуры, оперы МУРа, судмедэксперт, криминалист, проводник служебной собаки. По информации оперативников, машина Топуридзе, «ниссан-максима», была обстреляна сразу же, едва выехала вот сюда, на перекресток, и начала разворот в сторону Тверской, где, как известно, и находится здание правительства, бывший Моссовет. Свидетели, которых удалось разыскать, показывают, что нападавший открыто вышел на проезжую часть, в руках у него был автомат Калашникова, предположительно АКМ калибра 7,62 с подствольным гранатометом.

Стрельба велась длинными очередями. Вскоре от припаркованной напротив дома 13, на противоположной стороне переулка, автомашины ВАЗ-2106, синего цвета, подошел второй член преступной группы, предположительно «чистильщик», сделавший контрольный выстрел в голову водителю. В результате чего водитель, гражданин Федянин, получивший ранее многочисленные ранения, скончался на месте, а сам Топуридзе в крайне тяжелом состоянии доставлен в больницу Склифосовского. Он ранен в руку, в бедро и особенно тяжело — в полость живота: у него задеты селезенка и кишечник. Несмотря на это, он, уже после того как нападавшие скрылись с места преступления, нашел в себе силы добраться до находящегося здесь же продуктового магазина, попросил продавщиц вызвать по телефону «скорую» и милицию и успел сообщить прибывшим милиционерам приметы нападавших: один, непосредственный исполнитель, роста примерно сто семьдесят три — сто семьдесят пять, второй — выше, метр восемьдесят два — восемьдесят пять. Судя по координированности движений, оба спортивны или специально подготовлены, одеты во все черное, с оружием обращаются профессионально, все движения доведены до автоматизма — так потерпевшему, во всяком случае, показалось...

— Ишь какой наблюдательный оказался потерпевший, — иронично заметил Калинин. — А он случайно не запомнил их лиц?

— Лиц не запомнил. Точнее, не видел. По показанием свидетелей, у второго киллера, у «чистильщика», лицо было частично закрыто — одни видели закрывающий нижнюю часть лица шарф, другие что-то вроде полумаски... Далее... Ребята «с земли», из уголовного розыска, обратили внимание на то, что под брошенной преступниками «шестеркой» нет снега, хотя ночью, как все знают, прошел сильный снегопад. То есть машина была припаркована в том месте как минимум за восемь часов до событий. Государственные номерные знаки на машине отсутствуют, владелец устанавливается. Не исключено также, что обнаружатся свидетели, которые видели людей, приехавших в этой машине. Возлагаем мы также надежды на камеры слежения соседних посольств — их в Клеонтьевском переулке целых три, — а также на камеру слежения на входе закрытой организации «Квант», находящейся в доме 14 по тому же переулку.

— Ладно, — равнодушно сказал Калинин. — С этим все более-менее ясно. Надеюсь, видеоматериалы вы не упустите. Но вы что-то очень уж легко перескочили от Топурид-зе на другие вещи. В этой связи у меня к вам два вопроса. Что, Топурид-зе действительно серьезно ранен? Это не похоже на инсценировку, на имитацию ранения? Ведь вы сами говорите, что стрельба велась в упор, из автомата 7,62... Тут, знаете, уцелеть шансов никаких...

— Хороша инсценировка! — Якимцев аж крикнул. — В человеке три пули! Он сразу же, как только был доставлен в

Склиф, попал на хирургический стол. Четыре часа его штопали и шили, четыре часа! Да еще два переливали кровь. Да еще возможность перитонита, да еще неизвестно, что будет с его селезенкой... Так что наше счастье, что он успел хоть что-то сообщить, потому что теперь абсолютно неизвестно, когда он сможет давать свидетельские показания, да и сможет ли вообще... Еще раз скажу: наше счастье, что сотрудники местного управления успели хоть о чем-то его расспросить, что у него хватило мужества отвечать на их вопросы...

— Ну уж и мужества... — хмыкнул Калинин. — Ну ладно... Второй вопрос у меня такой. Если это профессиональные киллеры, если они так дерзки и хладнокровны, почему они все-таки оставили Топуридзе в живых? Почему не сделали, как водится, контрольный выстрел? Что-то тут у вас не сходится...

— Это не у меня не сходится, — мрачно парировал Якимцев, — это у них. Не знаю, спугнул их кто-то, что ли... Сам бы хотел знать...

— А ну-ка, раз вы так успели во всем разобраться, нарисуйте-ка мне картину их отхода. Куда они уходили, на чем скрылись... Если я правильно вас понял, машину они оставили на месте. Значит, была еще одна машина? А что с оружием? Оставили, взяли с собой?

До чего же человек может быть не похож на борца с преступностью и вообще на опытного следователя! Рыхлый, налитый какой-то нездоровой полнотой, Калинин к тому же

весь лоснился, словно заношенные штаны — так бывает с людьми сильно пьющими. Он был Якимцеву антипатичен, в чем Евгений Павлович старался не признаваться даже самому себе. Однако, несмотря на эту антипатию, которая с каждой минутой завладевала им все сильнее, Якимцев не мог не отметить, что вопросы Калининко задает вполне толковые и в профессиональной хватке ему не откажешь. А шеф, буд-то для того только, чтобы подтвердить это, задал свой следующий вопрос:

— Какие у вас мысли о мотивах преступления? Есть уже какие-нибудь версии?

Версий у Якимцева было множество, но ни одна не была подтверждена доказательствами.

— Рабочих версий пока нет, — мрачно сказал он. — Только некоторые предположения о том, что преступление, скорее всего, каким-то образом связано с профессиональной деятельностью потерпевшего. С его работой в московском правительстве...

Калининко подошел к окну, стоя спиной к Якимцеву, побарабанил пальцами по стеклу.

— Ну что ж... В общем-то, наверно, здесь и следует искать... Иногда нам, следователям, не грех представить себя на месте преступника. Я, между прочим, когда сейчас это делаю, хорошо понимаю того, кто стрелял. Они там все так зажрались, приближенные к мэру чиновники, что я не вижу ничего удивительного, когда это вызывает чье-то озлоб-

ление... Но, увы, дорогой Евгений Павлович, как бы то ни было, а наше дело их обслуживать, этих самых чиновников. Пока, к сожалению, мы у них на подхвате, а не они у нас... Это, знаешь, папаша мой покойный любил говаривать, когда недоволен был мной: «Эх, Юрка, не быть тебе черпарем, вечно будешь на подхвате!» — И обернулся, чтобы узнать, как Якимцев оценил юмор его покойного папаша. Увидев на лице подчиненного напряженное недоумение, снисходительно пояснил: — Смысл тут такой. Раньше канализации-то не было, и золотари, ну то есть говночисты, ездили по дворам со специальной гм... техникой. Один зачерпывал из выгребной ямы, а второй подхватывал, выливал в специальную бочку на колесах. Оба в дерьме, но тот, который на подхвате, естественно, сильнее, а потому и рангом ниже...

Якимцеву был неприятен и этот весьма своеобразный юмор, и даже сам покойный папаша шефа, но никакой брезгливости он, упаси боже, даже и не подумал высказывать...

— По моему рабоче-крестьянскому разумению, — продолжал между тем Калинин, все дело тут в бабках, в деньгах то есть, а иначе с чего бы его стреляли, этого Топурид-зе... Либо он делиться с кем-то не захотел, либо кого-то от кормушки оттер. И вот, знаешь, чем больше я думаю, тем сильнее склоняюсь к мысли, что это сделали не урки, не бандюки какие-нибудь... Ты вот вникни: за что урки убивают? Убивают за деньги, убивают за предательство, за стукачество, верно? А чиновника? Чиновника урке зачем убивать,

если его проще купить или запугать, верно? Чиновник — он на то и существует, чтобы его доить. — Посмотрел пристально на Якимцева, непонятно хмыкнул. — И вот чем больше я думаю, тем сильнее склоняюсь к мысли, что это какие-то свои разборки. Ну, например, чего-то не поделил Топуридзе с мэром, а? — Он снова испытующе посмотрел на Якимцева.

— Да ну, Юрий Степанович, — протянул Якимцев. — Это вы, пожалуй, слишком. — Резче выражать свое сомнение в присутствии других членов группы он постеснялся: как-никак Калинин все-таки его руководитель.

— Ну и что? Я, может, тоже думаю, что слишком, — усмехнулся Калинин. — Но считай, что это рабочая гипотеза, пока другого ничего не предложено. И напрасно, между прочим, ты эту гипотезу так сразу, с порога, отметаешь. Ты вспомни-ка ревизию Кольцевой дороги и скандал из-за Горбушки. Ну вспомнил? И почему нельзя предположить, что этот Топуридзе, к примеру, заложил своего пахана, мэра то есть? Или что они там не поделили какие-то барыши?..

— Не понял, — буркнул Якимцев, у которого в душе все сопротивлялось одному предположению, что и мэр — вор, и окружающие его люди — тоже. И при этом он был удивлен стройностью этих самых неприемлемых для него предположений Калинин. А ведь кто-то и поверит этой «гипотезе» за одну только ее стройность... — Не понял, при чем тут Горбушка-то?

Если к МКАД, где специальная комиссия совсем недав-

но проверяла и количество уложенного песка, и количество гравия, и ширину асфальтового покрытия, Топуридзе еще мог иметь отношение, то к скандалу с «электронным» рынком, именуемым Горбушкой, он вряд ли был причастен хоть каким-нибудь боком вообще.

— При чем Горбушка, спрашиваешь? А помнишь, стоило мэру уехать на несколько дней, как тут же один из его замов... дай бог памяти... Рождественский, тут же заявил, что Горбушку никто не закроет и закрывать не собирается. Только торгаши воспряли духом, а тут и мэр вернулся. Как даст кулаком по столу: «Горбушки в прежнем виде и на прежнем месте больше не будет!» А о чем это, как ты думаешь, говорит?

Якимцев пожал плечами, так и не поняв, при чем тут Топуридзе.

— А говорит это о том, что там у них, наверху, что называется, клубок единомышленников. Все жулье, все ядовитые гады, извини за невольную резкость. И как раз из этого и надо исходить, приступая к работе над этим, согласен, очень непростым делом. В общем, если и искать на кого компромат, то в первую очередь именно на Футболиста и его приближенных.

Футболистом многие звали мэра, большого поклонника этой игры и любителя самому, несмотря на годы, погонять мяч. И уже одна даже эта слабость не вязалась никак с предположением о том, что именно мэр — убийца или заказчик

убийства...

Словно не замечая, как замкнулся Якимцев, не принимая во внимание его очевидное несогласие, Калинин, выстроив свою гипотезу, воодушевился, глаза его горели вдохновением и жадой новых разоблачений.

— Ты чего скис-то, Якимцев! — хлопнул он Евгения по плечу. — Тебе в кои веки приплыло в руки такое дело — чуть не на всю страну резонанс, а ты, я смотрю, выше рядовой уголовки и подняться не хочешь, подталкивать тебя приходится! Ты это брось, парень! Эка важность — очередного жулика подстрелили! Они там такими деньжищами ворочают, я удивляюсь еще, как их тут в Москве каждый день не стреляют! Да поднимись, поднимись ты над мелочовкой, посмотри шире! — Теперь глаз его просто полыхал огнем от вдохновения. — Ты представляешь, что будет, если мы доложим наверх, что в шайке мэра идут натуральные криминальные разборки? Представляешь, как там, наверху, это всем понравится? А что понравится — это я тебе гарантирую. Да мы с тобой тут же генералами станем, парень, честное слово! Сразу утрем нос всем этим москвичам гребаным! А ну-ка давай-ка еще раз изложи, что вы там накопили. Давай, давай — посмотрим теперь на дело новыми, так сказать, глазами!

Якимцев доложил ему еще раз то в общем-то немного, что было пока известно по делу.

— Так ты что, считаешь, что стрелял непрофессионал? — спросил Калинин, подводя итог.

— Нет, я как раз считаю, что стрелял-то профессионал, — живо возразил Якимцев, — и даже очень профессионал. А вот как киллер, как убийца вполне конкретной личности, он как раз дилетант...

— Ну загнул, — покрутил головой Калининко и потребовал: — А ну разъясни.

— Судя по осмотру автомобиля, характер попаданий свидетельствует как раз о том, что киллер пользовался оружием как профи. Что же касается всего остального — тут одни недоумения. Во-первых, место выбрано крайне неудачно, и как раз это обстоятельство — выбор места — заставляет меня предполагать, что спланировал покушение не москвич: москвичу, полагаю, даже не пришлось бы в голову затевать всю эту историю в таком начиненном милицией и видеокамерами месте. Второе, из чего я делаю вывод о непрофессионализме киллера, он выполнял свое задание с совершенно нехарактерной для киллера позиции — чуть ли не в открытую и в некотором, кроме того, возбуждении. Чем только и можно объяснить тот факт, что, стреляя в упор, он не попал, что стрелял не в пассажира, как должен был, а в водителя... Да и контрольный выстрел был произведен как бы наугад...

Калининко внимательно слушал его, свесив голову набок, отчего его второй подбородок некрасиво лег на ворот форменного пиджака.

— Пока, — сказал он, — не вижу ничего противоречаще-

го моей версии. Ладно, давай подбивай бабки.

Якимцев даже не раздумывал: выводы у него были готовы еще с вечера, и менять их он не видел никаких причин.

— Выводы мои такие. Во-первых, киллер не москвич. Во-вторых, явно привлечен для разовой акции — иначе чем объяснить, что он не скрывался совсем? Что, его нам нарочно показывали или он контуженный на голову? Кстати, такого труднее будет искать... Если приехал откуда-нибудь из Новгорода, допустим, то сейчас он уже дома, скорее всего — лег на дно, и хрен его теперь выразишь...

— А может, наоборот, — задумчиво сказал Калинин. — Ведь фоторобот мы на места разослали. Наверно, местной ментуре легче установить его там, в небольшом городе, чем в такой громадине, как Москва.

— Может, и так. А может, его уже и убрали, — во всяком случае, на некоторых новостных сайтах появились сообщения о том, что киллер, скорее всего, уже мертв...

— Ну... это еще бабушка надвое сказала... А потом, он ведь был, наверно, не один, кто-то ведь должен был его страховать, а?

Якимцев согласно кивнул:

— Да, судя по всему, их было как минимум двое...

— И что, по-твоему, второго тоже убрали? Тебе не кажется, Женя... — Он едва ли не впервые назвал так Якимцева, и оба они остро отреагировали на это новшество: Калинин ждал, не станет ли подчиненный проявлять неудовольствие,

Якимцев же, как мог, старался сделать вид, что ничего особенного не произошло — хочет, ну и черт с ним, пусть зовет так. Лишь бы вязался поменьше. — Тебе не кажется, Женья, что это какая-то очень накладная операция получается, а? Всего-то одно покушение, да и то неудачное, а тут и киллер какой-то ненастоящий, да еще привезенный неизвестно откуда, и «чистильщик» безрукий... Нет ощущения, будто что-то здесь не то? По-моему, моя версия хоть как-то, а кое-что здесь проясняет. Допустим, если это идет от мэра... Не нанимать же ему уголовников, верно? Попросил какого-нибудь друга-губернатора: пришли парочку спецназовцев или там десантников, есть небольшое дельце.

Якимцев скептически поджав губы, покачал головой: нет, мол, нереально.

— Что, не можешь себе такое представить? Молод ты еще, Женья. А поживешь с мое — перестанешь удивляться вообще...

Евгений Павлович, наверно, не смог бы сформулировать словами то, что он чувствовал, слушая сейчас своего нового начальника. Ничто не могло бы заставить его согласиться с этой дикой гипотезой Калинин — просто шеф, как новая метла, учуял «социальный заказ», нечто разлитое в московском воздухе. Учুял и решил не упустить сам плывущий ему в руки шанс выслужиться, шагнуть по должностной лесенке вверх, стать замом, а то и прокурором столицы...

— Экие вы тут в Москве... неживые, — напутствовал его

шеф на прощание. — Хоть сам за дело берись! Ну что ты, Женя, как барышня, а? Раскрути ты это дело на полную катушку! Чтоб из них, из начальничков этих московских, аж сопли брызнули!.. Подумай, подумай как следует! Знаешь, я человек простой. Могу кому-то в доверии напрочь отказать — это да. Но уж если я человеку поверил... А плохого я еще никому не посоветовал, Женя, поверь мне на слово. И не ошибешься, клянусь...

Интернет-новости:

Сорок минут назад была обстреляна из автомата машина вице-премьера Москвы Георгия Топуридзе. Топуридзе с ранениями бедра и брюшной полости доставлен в одну из городских больниц.

Несколько месяцев назад был обстрелян по дороге на работу его ближайший помощник В. Брагарник. При этом Брагарник не пострадал, а его водитель получил ранение предплечья.

Сайт «Подноготная. Ру»

Кому помешал Георгий Топуридзе?

В 9 часов 26 минут утра 19 декабря в Клеонтьевском переулке, в пятистах метрах от Московской мэрии, двое в черных масках обстреляли из автоматов АКМ автомобиль «ниссан». Водитель был убит на месте, пассажир не шевелился. Килле-

ры, изрешетив машину (в ней обнаружено более 30 пулевых отверстий), бросив автоматы, скрылись. Через минуту пассажир, шатаясь, выбрался из «ниссана» и добрался до магазина на другой стороне переулка — это были «Продукты на Клеонтьевском»...

— Я ранен, водитель убит... Девочки, вызовите «скорую»...

Топуридзе был в таком шоке, что даже забыл о наличии у него собственного мобильного телефона... Все это время он умолял продавщиц не отходить от него — то ли опасался, что киллеры вернутся, то ли боялся умереть... «Скорая» прибыла через пятнадцать минут. Только в машине, под капельницей, Топуридзе позволил себе потерять сознание.

Входные отверстия от пуль были совсем небольшие, но ранения вызвали обширные внутренние кровотечения. Операция заняла шесть часов, ее проводил главный хирург столицы... Меры предосторожности, принятые в больнице, были беспрецедентны: в этот день было отменено посещение родственников во всех корпусах. Придя в себя, Топуридзе первым делом поблагодарил врачей. По свидетельству медперсонала, говорить ему пока нельзя — пострадавший пользуется в случае необходимости блокнотом.

«Все-таки Москва — это не Питер, который, похоже, незря называют криминальной столицей России, — написал один из петербургских криминальных репортеров. — У нас бы никто не поверил, что жертва мертва — обязательно по-

следовал бы контрольный выстрел или взрыв...»

Приходится констатировать, что Топуридзе, как ранее других ближайших сподвижников московского мэра, спасло чудо...

Обзор-медиа. Служба новостей. Подробности покушения на вице-премьера правительства столицы Георгия Топуридзе. Интервью нашему корреспонденту начальника Московского уголовного розыска генерал-майора милиции Вячеслава Грязнова:

К о р р. Сегодня произошло покушение на вице-премьера правительства Москвы Георгия Топуридзе, который сейчас находится в тяжелом состоянии в институте Склифосовского. Итак, совершено покушение на очень влиятельного человека, в чьем ведении находятся валютные операции такого огромного города, как Москва, поскольку Топуридзе возглавляет департамент внешних связей правительства Москвы. Мы попросили начальника уголовного розыска генерал-майора Грязнова рассказать о том, как это произошло и что известно о преступлении органам правопорядка. Пожалуйста, Вячеслав Иванович.

Г р я з н о в. Средства массовой информации уже сообщили, что сегодня в 9.15 утра неизвестный преступник обстрелял машину зама премьера Топуридзе, в результате чего погиб его водитель, а сам Георгий Андреевич тяжело ранен. Оперативно-следственными работниками на месте про-

исшествия обнаружена машина со множественными пробоями корпуса, лобовых и боковых стекол, а также брошенный преступниками автомат Калашникова с пустым магазином, многочисленные стреляные гильзы и несколько пуль. Наши эксперты-криминалисты проводят осмотры брошенного оружия. Конечно, весьма сомнительно, чтобы преступники оставили нам свои отпечатки пальцев, но и брошенное оружие — это уже след, поскольку боевое оружие из воздуха не возникает...

К о р р. Скажите, а известно, куда направлялся Топуридзе?

Г р я з н о в. Да, конечно. Он ехал на заседание правительства, в мэрию.

К о р р. Я понимаю, что сейчас об этом, может быть, рано говорить, но есть ли уже у следствия какие-то версии происшедшего?

Г р я з н о в. Ну версии у следователей всегда есть. Основная, конечно, — это все, что может быть связано непосредственно с деятельностью Топуридзе, с его работой. Но, как вы понимаете, для того чтобы эту версию подтвердить или опровергнуть, надо отработать и другие, чтобы у нас не было сомнений в отдельных аспектах...

К о р р. В таком случае кто ведет расследование?

Г р я з н о в. Расследование поручено прокуратуре города. Но и мы, уголовный розыск, разумеется, занимаемся розыском преступника. В процессе производства ряда след-

ственных действий уже допрошены или будут допрошены свидетели или, точнее говоря, очевидцы происшедшего. Какой-либо значимой информации у нас на данный момент нет, могу это сказать прямо. За исключением того, что в процессе отработки путей отхода преступника уже составлен его фоторобот...

К о р р. А каким образом? Что, есть люди, которые его видели?

Г р я з н о в. Это выявленные нами случайные люди, которые столкнулись с преступником, когда он убегал с места происшествия. Преступник действовал необъяснимо дерзко, он даже не счел нужным скрывать свое лицо... Эта дерзость — еще одна причина, по которой мы решили выставить усиленную охрану того корпуса больницы, в котором находится пострадавший. Впрочем, строгая охрана в такой ситуации нужна в любом случае, чтобы не только сохранить жизнь пострадавшего, но и обезопасить медицинский персонал.

К о р р. Скажите, а не может ли быть это преступление связано с одним из новых проектов, которые разрабатывал Георгий Андреевич? Нам известно, что он работал над планами строительства новой скоростной трассы автомобильных гонок класса «Формула-1», а также связанными с этим проектом планами перевода всего игорного бизнеса города туда же, в район автотрассы, то есть Нагатинской поймы. Создание такого московского Лас-Вегаса...

Г р я з н о в. Я думаю, в нашу версию совершения поку-

шения войдут все аспекты профессиональной деятельности Георгия Андреевича, в том числе и ситуация с Лас-Вегасом, как вы говорите, и не только. Человек был загружен работой выше головы, и мы будем проверять все, чтобы выйти на преступный след.

К о р р. Неужели вы будете работать со всеми теми коммерческими структурами, с которыми имел дело Топуридзе?

Г р я з н о в. Можете не сомневаться!

К о р р. Я знаю, что дело взято на контроль генеральным прокурором страны, министром внутренних дел и мэром Москвы. Если можно так выразиться, какие последствия это будет иметь для вашей работы?

Г р я з н о в. Какие последствия? Последствия такие, что уже создана оперативно-следственная группа. Расследование, как я уже сказал, проводится прокуратурой города, на которую, можно сказать, будут работать оперативные аппараты спецслужб — вплоть до ФСБ.

К о р р. В многочисленных откликах на это событие высказывается мнение, что имеет место заказное преступление, которые, увы, раскрываются чрезвычайно редко.

Г р я з н о в. А что это такое — заказное преступление? Мы можем определенно говорить: «Это преступление носит характер заказного» — лишь тогда, когда мы выявили исполнителя и его заказчика. Вот тогда да, мы говорим. А сейчас можно лишь подозревать, что это заказное покушение. Не более того. Такие преступления сложны в раскрытии, но

сказать, что они не раскрываются стопроцентно, тоже было бы неправильно...

К о р р. Скажите, а есть какие-то предположения относительно возможного заказчика?

Г р я з н о в. Знаете, я человек миролюбивый, но меня подмывает ответить вам резкостью. Еще раз повторю: мы будем идти от многогранной служебной деятельности Георгия Андреевича. Думаю, что и сам Георгий Андреевич, дай бог ему здоровья, поможет нам, как только его состояние улучшится. Полагаю, с его помощью мы разберемся.

К о р р. Значит, у вас пока ничего, кроме фоторобота, нет?

Г р я з н о в. Есть фоторобот, есть брошенное оружие, есть свидетели. Так что танцевать нам есть от чего. Во многих случаях исходных данных бывает куда меньше...

К о р р. Скажите... Известно, что несколько месяцев тому назад был обстрелян из пистолета помощник Георгия Андреевича Брагарник. От гибели его тогда спасло лишь мастерство водителя. Как вы считаете, эти два преступления связаны? Не могут ли они оказаться звеньями одной цепи?

Г р я з н о в. Зачем гадать на кофейной гуще? Могу сказать только, что вся информация по названному вами преступлению будет изучена той группой, которая занимается делом Топуридзе...

К о р р. Спасибо большое, Вячеслав Иванович. К сожалению, наше время в эфире истекло.

Подробности о покушении на вице-преьера московского

правительства Георгия Топуридзе мы узнали от начальника Московского уголовного розыска генерал-майора милиции Грязнова...

Интернет-портал «Досье»:

...Вечером 19 декабря все московские СМИ — прежде всего радио — начали усиленно распространять версию о том, что киллер уже мертв. Не совсем понятно, зачем понадобилось убеждать в этом общественность: никто и так не верит, что преступление может быть раскрыто...

...Топуридзе занимается международными экономическими связями. В его компетенции такие проекты, как автодром для «Формулы-1», Международный центр «Москвасити» с бюджетом в десятки миллиардов долларов, а также реконструкция крупных гостиниц. В последнем проекте самое деятельное участие принимает давний партнер и друг Топуридзе известный предприниматель Джамал Исмаилов.

— Я не знаю, какими проектами конкретно занимается сейчас Георгий Андреевич, — прокомментировал происшедшее Джамал Исмаилов. — Наши дружеские отношения прекратились где-то полтора года назад. Но чисто по-человечески считаю, что, если бы мы общались как прежде, я смог бы уберечь Георгия. Может, именно потому, что мы перестали контактировать, кто-то осмелился совершить подобный по дерзости поступок.

К о р р. Вы что, как говорится, «крышевали» Топуридзе?

И с м а и л о в. Идиотский, извините, вопрос. Георгий — гениальный человек, ему не нужна никакая «крыша». Тем более что ему незачем лезть в какую-либо авантюру. Ему это тем более незачем, что он любит свою чудесную семью. Я считаю, виновато его окружение — кто-то за спиной Георгия начал проворачивать свои неблагоприятные делишки. Если бы я был рядом, такого бы не случилось. Именно это я и имел в виду, и ничего другого. И не вздумайте написать иначе!

Мэр нашего города, как всегда, увидел в происшедшем повод для широких обобщений. По его словам, покушение было совершено «криминальной группой, которая не согласна с теми решениями, которые принимает правительство Москвы». В то же время мэр решительно опроверг утверждения о том, что в руководстве города существуют разногласия по некоторым основным аспектам развития столицы. Мэр назвал эти утверждения очередной выдумкой досужих журналистов. Кроме того, покушение на Г. А. Топуридзе послужило для мэра очередным предлогом, чтобы вновь поставить вопрос о безначалии в московской милиции (история о том, как прежний руководитель ГУВД Москвы был снят министром с должности как несправившийся, а на его место был назначен руководитель, которого мэр до сих пор отказывается утвердить, — широко известна нашим пользователям). Версию о том, что после вынужденной отставки глав-

ного московского милиционера борьба с преступностью в городе якобы развалилась, озвучил пресс-секретарь столичного мэра...

В генпрокуратуре

— Зайди, Саша, — позвонил по внутреннему Меркулов. — Ну ты уже все слышал, да? — спросил он Турецкого, когда тот уселся в привычное кресло возле Костиного стола. — Славкино интервью слышал?

Турецкий кивнул — и интервью слышал, и разговоров насчет покушения на Топуридзе уже наслушался здесь, в прокуратуре на Дмитровке.

— Сейчас Славка сам прикатит, — сказал Костя и, заметив, что Турецкий удивленно вскинул голову, пояснил: — Сам захотел подскочить. Надо, говорит, обсудить всем вместе кое-что. Дело ведь у генерального на контроле как-никак...

— Это-то я понял, — пробормотал Турецкий, потянувшись. — Извини, не выспался чего-то...

— Все котуешь? — буркнул Меркулов.

— Да ну, ты скажешь. Все в прошлом, Костя, все в прошлом... Вообще-то я понимаю: все по закону, дело в Мосгорпрокуратуре по подследственности. Но все же я вот думаю: если дело на контроле у генерального, почему бы не передать его нам? А то лично я уже слышать не могу про эти заказные убийства! Главное — ты посмотри: эти сволочи уже среди бела дня, внаглую людей добивают, а мы... Ну что ты улыбаешься, Костя?..

— Узнаю друга Сашу! Подай ему сразу все! Ты что мне эти вопросы задаешь — хочешь, чтобы я сейчас зарыдал и сказал: «Да, да, Сашенька, ух, как ты прав! Мы нашу войну проигрываем, мы ни теоретически, ни практически, ни тактически, ни законодательно оказались не готовы к этой проблеме»? Я могу так подумать, Саша, ты можешь так подумать, но говорить это да еще делать щитом своей беспомощности мы просто не имеем права! Мы должны с этой мерзостью, бороться — и будем. Сколько надо, столько и будем. Хорошо ли, плохо ли — как пока умеем, так и будем. Но будем! А что дело не у тебя, а у города — так это даже хорошо. И вообще, упаси нас бог противопоставить себя городу! Ты же видишь, как мэр и без того нервничает, считает, что чуть не каждый наш шаг направлен против него. И правильно нервничает, потому что нас то и дело хотят втянуть в эти игры, в эту политическую кашу. А наша с тобой печаль не политика, а забота о всемерном соблюдении законности, прости за занудство!

— Да, насчет последнего ты, пожалуй, прав. Насчет занудства, я имею в виду, — засмеялся Турецкий. — Ну и насчет мэра... Вообще говоря, его можно понять. Как к нему ни отнись, а дело-то он знает, все отмечают, что город просто на глазах меняется. А об него ноги вытирают — как об переходка на зоне...

— Да, что-то больно уж кто-то взялся его жрать... Я скажу тебе так: я к нему всегда... как бы это... объективно отно-

сил, понимаешь? А выборы подошли — вместе со всеми за него голосовал. Никуда не денешься — больше не за кого...

— Вот-вот, мы за него все проголосовали, а теперь любим, как его жрут чуть ли не в открытую. То телевидение, то кто-то из президентского окружения, то министр внутренних дел людей в городской милиции тасовать начал, убирать тех, кто к мэру слишком лоялен... Я думаю, и последнее покушение тоже ко всей этой каше отношение имеет.

— Ну это ты брось. Чего гадать раньше времени. Сейчас Славка придет — и все нам прояснит, все-таки его хлопцы как-никак уже успели там поработать.

Но Меркулов ошибся: приехавший вскоре Грязнов тоже особой ясности в дело не внес...

Ввалился румяный с мороза, как всегда шумный. Застрял в дверях и сразу, с порога, попросил секретаршу хозяина кабинета:

— Клавдия Сергеевна, будьте ласковы! Дайте чаю скромному герою угрозыска, и если можно, то побыстрее: мороз, знаете ли, вполне ощутимый! — И только потом соизволил заметить друзей: — Или вам тоже чайку заказать, чиновнички? — И, не дожидаясь ответа, скомандовал млеющей Клавдии Сергеевне: — И еще, пожалуйста, два. Этим вот страдальцам от юриспруденции!

И лишь увидев, что Клавдия Сергеевна занялась чаем, переключился на друзей окончательно.

— Ну как я вам, ребята? — самодовольно спросил он. — Понравился мой дебют в прямом эфире?

— Ты-то? Ты-то нам понравился, — усмехнулся Турецкий. — Ты нам всегда нравишься. А вот текст твой... Ну то, что ты молотил, — как-то не очень...

— Ой-ёй, — огорчился Вячеслав Иванович. — А я так старался, чтобы даже следователю Генпрокуратуры все было понятно...

— Ну ладно, хватит вам, — притормозил эту легкую пикировку Константин Дмитриевич, что оказалось кстати еще и потому, что секретарша наконец принесла чай.

— Эх, балда я, балда! Зря я чай выклянчил! — сказал Грязнов, любуясь подносом в руках Клавдии Сергеевны. — Надо было мне кофе просить.

— Это еще почему?

— Да потому, что к кофе коньяк положен! — Он подмигнул секретарше.

— Коньяк — это гостям, — засмеялась та. — А вы у нас свой. Да к тому же на совещание прибыли...

— Ага, видите, сами сказали: прибыл, — обрадовался Вячеслав Иванович. — А раз прибыл, — значит, гость. Что из того, что не простой, а с совещательным голосом? Неужели не уважите измученного путника, Клавочка Сергеевна?

Ну кто бы устоял! Тем более что Константин Дмитриевич незаметно кивнул ей: разрешаю, мол. А сам спросил Грязнова, безжалостно возвращая разговор в деловое русло:

— Ты там, в интервью, спецслужбы, значит, и ФСБ помянул. Это что, серьезно?

— Да ну, какое там! Так, пообещали на словах помощь, если будет нужда, и весь разговор. Хотя, наверно, их научная база ох как сгодилась бы! А с другой стороны... Вот сейчас мои криминалисты взялись за автомат, который киллер бросил на месте, — так на нем даже номера не забиты, представляете?

— Ну и? — встрепнулся Турецкий. Номера на оружии — большое дело. Бывали случаи, когда по номеру удавалось проследить всю цепочку — от продавца оружия до исполнителя. Но то было раньше, в благословенные «нормальные» времена. Смешно сказать, тогда многие были недовольны тем, что при таком «легком» методе раскрытия чаще всего остаются в тени заказчики!..

— Вот тебе и «ну», — отмахнулся Грязнов, зачарованно глядя, как снова появившаяся секретарша ставит на стол коньяк, блюдечко с нарезанным лимоном и три стопки. — Говорю же: на нем даже номер не забит, на этом автомате! Только что с этого проку! Стали по номеру отслеживать — пришел автомат из Чечни. Сначала лежал на армейских складах, потом был выдан на руки, потом списан — за утратой во время боевых действий против незаконных вооруженных формирований сепаратистов. — Он стал серьезен, что не помешало ему махнуть свой коньяк. — Будем!.. А вообще, искать-то мы ищем, а информации у нас, если честно, с

гулькин нос... Работаем с фотороботом, но вы ж сами знаете — от фоторобота прок далеко не всегда есть... А потом... Вон в Интернете появились сообщения, между прочим, что киллер, скорее всего, уже убит. Не видели? А зря! Очень характерное, между прочим, сообщение. И селезенку щекочет. дескать, вот вы, специально для этого поставленные, ничего не знаете, а мы, всего лишь журналисты электронных СМИ, осведомлены обо всем лучше вас. Ну и какая, мол, после этого вам цена?

— Это один аспект, — согласно кивнул Меркулов. — Ну а второй — это нам как бы знак: черта лысого вы, как всегда, найдете: концы уже обрублены...

— Просто ненавижу я уже эти дела, — сказал вдруг Турецкий. — Какое-то отвратительное бессилие начинаешь чувствовать. Какие-то дешевки, уголовники, а оказываются сильнее и умнее нас!

Повисла довольно тягостная тишина, нарушаемая лишь звяканьем грязновской ложечки в стакане — на сей раз он решил в порядке эксперимента запустить коньяк в чай и вот теперь старательно размешивал эту противоестественную смесь, заранее морщась от предстоящих вкусовых ощущений.

— А кто тебе сказал, что это уголовники? — спросил он вдруг. — Я вот как раз думаю, что это никак не уголовники. И что вообще вся эта история вполне может носить характер, если хотите, политический.

— А смысл? — тряхнул головой Меркулов. — Выборы вроде прошли. Кого компрометировать? Или что там еще может быть? Нет, Слава, оно, может, и умно, но только, пожалуй, на этот раз ты можешь оказаться и того... неправым...

— И вообще, — подхватил Турецкий, — наше следовательское дело: не слова о большой политике говорить, а преступления раскрывать, вот что, товарищ генерал! — Вдруг его осенило: — Слушай, Слав, а твои еще не выясняли, что за заседание было у мэра в то утро?

Грязнов пожал плечами:

— Выясняли, представь себе. Обычное заседание московского правительства. Так сказать, плановое. Происходит каждую неделю в один и тот же день, в одно и то же время. Так что действовали эти ребята наверняка. Тут, по-моему, зацепиться не за что. Разве что вот уточнить маршрут — всегда ли Топуридзе ездил в мэрию этим путем... Ведь ждали-то его не только в конкретное время, но и в конкретном месте...

Турецкий, которого, похоже, очень занимало это дело и у которого, кажется, прямо сейчас возникли по нему какие-то соображения, с Грязновым не согласился. Маршрут — это верно, это обязательно надо выяснить. Потому что если киллеры еще и разовый маршрут знали, это может означать только одно: что они действовали по чьей-то наводке! Да, хорошо бы добыть повесточку заседания правительства 19-го чис-

ла! Может, кто-то как раз не хотел, чтобы Топуридзе принял участие именно в этом заседании? Что-то такое доложил бы... опасное для кого-то. Или своим докладом добился бы какого-то запрещения, исходящего от столичного правительства.

Грязнов выслушал его соображения и усмехнулся в ответ на его вопрос, не подсуетились ли еще муровцы насчет повестки заседания...

— Экий вы, дяденька, шустрый. Нет пока, не подсуетились. И суетиться не будем — пусть следственная бригада этим занимается. И вообще, что ты от меня хочешь, Саша! Все только-только случилось, а ты уже требуешь ответа чуть ли не на все вопросы! Да мы даже не знаем пока, сколько их всего было, убийц-то этих... Так что, хочешь больше узнать — входи в контакт со старшим советником юстиции Калинин — это новый замначальника следственного управления Мосгорпрокуратуры. Ему и поручено возглавить расследование...

— А что это за Калинин такой? Что-то никогда не слышал. Ты его, Костя, знаешь?

— Он здесь, в Москве, совсем недавно я присутствовал на коллегии, где его утверждали. Переведен в столицу вместе с новым замом генерального Чувилевым. Чуешь? А вообще говорят — шустрый и дело знает. Кличка вот у него только почему-то подгуляла, — ответил Меркулов.

— Не понял! Это что значит? — спросил заинтригован-

ный Турецкий.

— Да кличка у него, ребята, Тракторист. Как у того полевого командира, помните, который снял на пленку собственное участие в издевательствах и убийстве наших солдат? — сказал Меркулов.

— Живодер, значит, — уточнил Турецкий.

— Ну не знаю... Но выходит — вроде того. То ли безжалостный, то ли просто рука тяжелая... Хотя кличка — это, наверно, дело десятое.

— Я вот чего прикатил-то, Костя, — сказал Грязнов.

— За этим? — хмыкнул Турецкий, щелкнув себя по горлу.

— Ну вот, говорили от чистого сердца, а сами попрекаете, — нехорошо, Саша... За это, — Грязнов в свою очередь щелкнул себя, — вам отдельное огромное спасибо, как и за чай. Хотя тут даже и не знаю, кого больше благодарить — вас, так называемых друзей, или добрую душу Клавдию Сергеевну. Но если честно, — сказал он, с веселым нахальством наливая себе еще коньяку, — приехал я все же не за тем, чтобы на халяву у вас тут клюкнуть. Я вот чего подумал, ребята. Этот самый Калинченко — он человек в столице новый, не обвыкся еще. И вообще, может, ему чем помочь надо, а? Все-таки дело на контроле... Свиньи мы просто будем, если не поможем. И потом, я же вижу — мужичок вроде не паркетный, не шаркун. А тут Москва... А Москва — она ведь, как известно, блин, бьет с носка. Я тут с ним малость пооб-

щался... Он при мне вроде как сдерживался — а и то нагородил черт-те чего. Дескать, Москва эта ваша, от нее один вред стране, а мы, дескать, в провинции, хранители высоких идеалов... такую понес хренотень... А чего он без лишних свидетелей может нагородить — вряд ли и угадаешь. Не дай бог ему, хоть и дуриком, с такой ахинеей на мэра наскочить: тот за поносные слова насчет Москвы может и в порошок стереть, честное слово! Так что нам бы, как старшим товарищам...

— Ладно, Слава, все понятно, — кивнул Меркулов. — В няньки, конечно, записываться, как ты понимаешь, никто не собирается, а с зональным прокурором, надзирающим за следствием, я переговорю.

— Это кто у нас зональный-то, напомни, — напрягся Грязнов.

— Стыдно, стыдно, брат! Зональный прокурор по Москве у нас замечательный, Вадим Сергеевич Молчанов, собаку на своем деле съел. По всем городским прокуратурам следки на него не нарадуются — и советом всегда поможет, и отсрочки по делам, когда надо, дает, всегда с оперативно-следственными группами планы мероприятий обсуждает, ну и все такое прочее... Так что со всеми вопросами и деяниями валяй к нему. То же, Саша, могу и тебе сказать, если тебя по делу Топуридзе энтузиазм обуревать начал...

— Да ну, какой там энтузиазм. Так, профессиональный интерес... На рефлекторном, если хочешь, уровне... Любо-

пытное дело, между прочим, вы согласны, ребята? Мне кажется, вы не станете спорить, что те, кто стрелял, — это всего лишь исполнители. Так вот, мне бы хотелось узнать — ну или помочь узнать, — откуда ноги растут... Я, честно говоря, уже склоняюсь к тому все больше, что это была акция устрашения. Если б хотели убрать, заказали бы настоящему киллеру... Сколько уж у нас с вами именно таких вот висяков: откуда-то пуля прилетела — и ага...

— А что такое — настоящий? — встрепенулся Меркулов. — Что это значит?

— Это значит, что настоящий выбирает место так, что его никто никогда не видит, это значит, что настоящий убивает наверняка, а не как в нашем случае...

— Значит, ты считаешь, что это больше похоже на акцию устрашения? — задумчиво переспросил Меркулов. — Ну и кого же напугали?

— А вот это, мне думается, и надо бы выяснить в первую голову... Ты верно говоришь: если бы это случилось во время предвыборной кампании, я бы решил, что речь идет о мэре. О том, чтобы его каким-то образом скомпрометировать или лишить каких-то козырей. Словом, выбить из игры... Помните, как на прошлых городских выборах вышибали вице-мэра? Он тоже тогда, к счастью, остался жив. А погиб бы — и пришлось бы мэру снимать свою кандидатуру, поскольку мэр и вице-мэр регистрировались в связке: выпадает один, автоматически выпадает и другой... Может, и

здесь что-то вроде этого...

— Да, но выборы-то уже прошли, Саня! — покачал головой Грязнов. — И основной компромат уже ушел в дело... Тут, брат, все-таки чегой-то другое... Может, этот Топуридзе просто кого-то загнал в угол? Сам ведь знаешь, даже маленькая шавка, загони ты ее в угол, — и та тяпнуть может, а? И вообще, мало ли кому мог перейти дорогу чиновник такого уровня...

— Все, — решительно подвел итог Меркулов. — Пусть это будет одной из версий, которые надо проверить. У меня тоже, например, не выходят из головы слова из интервью мэра — насчет того, что в покушении на Топуридзе заинтересована какая-то криминальная группа, не согласная с его решениями, а также о том, что разногласия в мэрии — выдумка досужих журналистов. Эти слова лишний раз подтверждают, что все мы в городе — и не только прокурорские работники или журналисты, но и просто обыватели — знаем: там, на московском олимпе, все не так благообразно, как нас стараются убедить... — И завершил, резко оборвав себя: — На этом все, мужики. Стало быть, договорились: со всеми вопросами и идеями, буде они у вас возникнут, — к зональному прокурору, Вадиму Сергеевичу Молчанову...

Турецкий

О том, как в московских верхах дела обстоят на самом деле, если и не знали, то смутно догадывались многие жители нашего города. То есть, конечно, они не знали в деталях, что творится там внутри, в недрах, так сказать, вулкана, но вулкан этот сам время от времени давал о себе знать какими-то неожиданными выбросами не всегда приятно пахнущей информации, из которой становилось известно, что мэр наш выступает против той модели приватизации, через которую пропустили всю страну, что он не согласен то с одним, то с другим деятелем из президентского окружения, что своей самостоятельностью он постоянно вызывает раздражение у властей предрежащих. Последний раз такой неожиданный всплеск информационной лавы возник, когда вдруг обнаружилось несогласие с мэром одного из его замов именно по мэрии (мэр у нас был един в двух лицах — он и градоначальник, он и премьер-министр городского правительства).

Несогласие это проявилось довольно неожиданно, и связано оно было с пресловутой Горбушкой, рынком, на котором чуть ли не добрый десяток лет традиционно торговали разнообразной электронной техникой, а также аудио- и видеопродукцией. Рынок этот, как многие рынки в Москве, возник стихийно вскоре после того, как на самой ранней зорьке новой российской истории президент Ельцин издал

характерный для той эпохи размашистый указ, разрешающий частную торговлю всех видов, в том числе и на улицах города — везде, кроме, кажется, проезжей части. И тут же улицы столицы, особенно в ее центре, превратились в огромную барахолку, толкучку. Мимо Малого театра, мимо Исторического музея, мимо ГУМа и ЦУМа просто нельзя было пройти — на тротуарах вплотную друг к другу, плечом к плечу, стояли люди, предлагающие прохожим самый разный товар: и оставшиеся от умершего мужа брюки, и реквизированный на родном заводе инструмент, и «начелноченное» где-нибудь в Польше дамское белье, и прикупленные по оптовой цене сигареты или напитки и банки с закатанными огурцами и помидорами собственного урожая... Было такое ощущение, будто в эти многочисленные ряды встала добрая половина города... Мэр начал бороться с этими стихийными толчками чуть ли не с самого первого дня, пытаясь вогнать торговый бизнес тысяч и тысяч людей, весьма характерный для нашего дикого капитализма, в цивилизованные рамки. Может, потому что задача эта казалась невыполнимой в эпоху того самого дикого капитализма, никто как бы и не обратил внимания, что фактически идет война с президентским указом. Но потом все увидели, что мэр в общем-то прав, когда в специально отведенных городом местах появились палатки, прилавки, специально приспособленные для торговли транспортные контейнеры, — по крайней мере, эти импровизированные рынки начали утрачивать вид диких бара-

холок... Экзотическое смешение разрешенного и запрещенного породило свои торговые гибриды. Вот тогда-то и расцвела Горбушка. Здесь, к примеру, можно было купить новейший японский телевизор или магнитофон дешевле, чем в «законном» магазине, но зато безо всяких документов. Особенно расцвела здесь торговля контрафактными аудио- и видеокассетами. Солидные фирмы, приобретающие у держателей прав разрешение на тиражирование и торговлю, еще только создавались, а у частника уже всю шла торговля самыми последними новинками этого рынка. Дело доходило до того, что, скажем, фильм еще не дожил до своей премьеры в родных Соединенных Штатах, а на русском он уже всю продавался... Любители и собиратели могли здесь найти записи поистине коллекционные, издать которые у официально существующих фирм не хватило ни ума, ни желания. Фактически рынок проявил одно из лучших своих свойств: он был готов удовлетворить любую прихоть потенциального покупателя...

И вот в один прекрасный день мэр решил загнать этот рынок, который можно сравнить со знаменитыми книжными развалами на набережных Сены, под цивильную крышу. И там, под этой крышей, срочно наладить борьбу с незаконной продукцией, лишаящей немалых доходов и казну, и городской бюджет. Надо сказать, обывателя это решение не обрадовало: какая ему разница, законная или незаконная у него продукция в пользовании, если незаконная такого же каче-

ства стоит гораздо дешевле...

Что тут началось, какая поднялась волна протестов! Как будто речь шла чуть ли не об уничтожении культурной ценности сродни Третьяковке. Мэр был тверд и непреклонен, хотя в этом его шаге, как и во всяком радикальном решении, были и свои минусы. Мэру казалось, что плюсов больше. Тем, кто лоббировал дикий рынок, казалось, что больше минусов.

И вот в самый разгар этого противостояния один из замов мэра, Борис Рождественский, как ни в чем не бывало заявляет: «Слухи о закрытии Горбушки ни на чем не основаны, рынок остается на прежнем месте и в прежнем статусе, никто не собирается его трогать». Что мэр предпринял против этого зама, какие меры внушения — неизвестно. А только и сам зам остался на месте, и пресс-секретарю пришлось делать заявление о том, что решение мэра неизменно, а все слухи о сохранении Горбушки являются ни на чем не основанным политиканством и что при всем при том в правительстве города по-прежнему сохраняется полное единодушие...

Я был уверен, что таких Горбушек была явно не одна, что если повнимательнее приглядеться к деятельности московского правительства, то можно обнаружить их там достаточное количество. Я не знал, что именно подвигло Рождественского на его заявление, не знал, на что он рассчитывал, но совершенно точно знал одно: помимо всего прочего, помимо чьих-то экономических интересов защиты, это был ход, рас-

считанный на то, чтобы снизить невероятную популярность мэра.

Это сейчас все эти страсти поутихли, а во время предвыборной кампании они бушевали с такой яростью, что все частное было наружу: и кто против мэра, и кто заказчик этой войны, и кто мэра поддерживает. Вулкан клекотал. Каких только собак на мэра не вешали! И украл-де он наши миллионы на стройке своей великой кольцевой дороги, и виллы он на средиземноморском побережье себе строит, и американца, одного из совладельцев огромной гостиницы, чуть ли не самолично убил, и жена-то у него бизнесом занимается только за счет того, что муж дает ей заказы от города, и дочки-то у него двоечницы...

Особенно усердствовал один журналист на телевидении — этот научился чуть ли не вгонять мэра — крепкого, выдавшего виды мужика, — в слезы, честное слово! И видно было, что этот умелец выполняет чей-то заказ, и видно было, что он действует нечестно, подтасовывает факты, передергивает, и все, что он говорит, — «чистая полушерсть», ложь, смешанная с небольшой долей действительных фактов для придания ей, лжи, правдоподобия, но все было подстроено так, что мэру умело не давали сказать перед страной свое слово в защиту — лишили выхода на федеральный экран, и все тут. И в конце концов умельцы своего добились — мэр огорчился, и так заметно, что кое-кто даже начал поговаривать открыто, выдавая цель всего этого предприятия: ну какой он

политик, если даже удар держать не умеет... Вообще-то удар положено держать боксеру или просто драчуну, но попробуй скажи, что политику должны быть присущи несколько иные таланты... Это в стране-то, где даже президент время от времени прибегает к криминальному жаргону...

А самое главное — и это-то я знал прекрасно — мэр как раз умел держать удар. Но ведь и любой самый-рассамый боец может это делать лишь при условии, что его не бьют сзади, не бьют ломом, если против него не выступает целая шайка отморозков... Мэр был москвич по рождению, что, кстати, придавало ему особую популярность даже у тех москвичей, которые стали таковыми, то есть москвичами, всего несколько лет назад, и, как парень из Кожевников да выросший в войну, он, конечно, умел и драться, и держать удар. Только он, наивная душа старого воспитания, считал, что политика не зона, а раз драка, то вестись она должна по правилам. А его взяли в оборот так... Я даже вспоминал в разгар этой травли один черный анекдот про соревнования по плаванью в фашистском концлагере: «Вот сходит с дистанции француз, вот исчезает с дорожки американец, и только русский все еще плывет... Взмах, еще взмах, но вот и русский исчезает с поверхности бассейна... Да, трудно, очень трудно плыть в соляной кислоте...» Я, да и все мы, горожане, видели, как трудно ему было плыть в этом концентрированном растворе ненависти... Но ничего, выплыл. На то он и наш общий столичный избранник...

Именно в этот период я познакомился с замечательным человеком, помощником мэра по приемной, — назову его Калитиным. Этот человек, к слову, был помощником по приемной и при Промыслове, и при Гончаре, и при Попове, однако настоящим городским головой он считал только нынешнего мэра — а уж Калитину-то было с чем сравнивать. Он объяснял мне этот расклад так: «Кто говорит: он, мол, жулик, — а я говорю: он патриот. И знаешь почему? Ну по тому, что он делает все для нас, для города, — это само собой, это всем видно. Но главное — он, как и я, из Кожевников, понял, госсоветник юстиции? Он, как и я, голубей гонял. А все остальное — это х...ня, извини за невольную резкость. Так и передай всем, кому надо... А то они переселяются сюда — кого в Думу избрали, кто в правительство попал, — ах, какая она, эта ваша Москва, ужасная! Я обычно такому говорю: почему — наша? Она и твоя тоже — ты ж уже сам москвич, ты здесь десять лет живешь, у тебя здесь дети, я знаю, школу кончают... Ах нет, это чужой, это враждебный мне город!.. Вот это мило! А зачем же ты здесь живешь да семью перетащил? Уезжай... Нет, не уезжает ведь! Мучается... Тут один такой мученик написал в газете: дескать, Москва поняла свое место в новой действительности после того, как ее опидорасили. Так и написал. Опустили, дескать, как урки в лагерях опускают. Так знаешь, как мэр наш возненавидел этого писаку за одно это слово! Как это: про его любимую Москву — и на таком уровне. Ну и дал ему по-

нять... А тот, сучонок, окрысился, подлость затаил, все ждал момента, чтобы тяпнуть... Знаешь, правильно говорят: раздави клопа — и сам клопом вонять начнешь... Вот они его и жрут все скопом, клопы-то эти... — Он вдруг засмеялся. — Нет, ребята, мы с мэром патриоты. Лучше города не бывает на свете. А потом, все мы здесь теперь, после войны, приезжие. Коренных-то — у которых здесь деды-бабки родились — не так уж и много. Все мы приезжие, только приехали в разное время, понимаешь? Но если ты здесь вырос, то уже ни на какой другой город его не променяешь. Согласен?»

Я был абсолютно с ним согласен, за что сейчас, когда я по своим делам встретился с Калитиным и случайно заикнулся о том, что вообще-то хорошо было бы достать повестку дня того самого заседания правительства, Калитин с ходу предложил мне распорядок дня мэра на то самое 19-е число, когда подстрелили Топуридзе: может, мол, пока чем поможет хоть это. Я согласился.

Итак, на утро 19 декабря у мэра было назначено то самое заседание правительства, потом была запланирована поездка на новостройку в один из окраинных районов города — эти ревизионные поездки были введены мэром в систему с самого первого дня. Потом он должен был попасть на гражданскую панихиду по знаменитому актеру, погибшему в нелепой автокатастрофе, — они с женой, как театралы еще со студенческих лет, очень этого актера любили, да и вообще, мэр не упускал ни одного случая пообщаться с творче-

ской интеллигенцией. Следом у него была запланирована поездка в Кремль — мероприятие, пожалуй, из малоприятных, верхняя власть втихоря давила его и гнобила: слишком высоко, мол, ты, соколик, с этой своей столицей занесся. А она не твоя вовсе, столица-то, она наша... Ты думаешь, ты политик? Ты власти хочешь, да? А мы тебя к ногтю. Хозяин ты, паря, и ничего больше...

Тут как бы сказалось давнее уже противостояние: «Москва — вся страна». Москву повелось тихо ненавидеть с тех времен, когда Брежнев начал строить коммунизм в одном отдельно взятом городе, в результате чего чуть не вся страна ездила в Москву за продуктами... Понятное дело, образцовый коммунистический город должен был стать ненавистным всей остальной — необразцовой и некоммунистической — стране. Но при чем тут, спрашивается, нынешний мэр?

Она проявлялась часто, эта нелюбовь, в том, с каким удовольствием Дума урезала городской бюджет, на который ее власть вроде бы и не распространялась, в том, с каким удовольствием транслировали на всю страну травлю мэра и с каким удовольствием эту травлю наблюдали.

— Да что ему не работать, — говорили другие губернаторы, — они же там, в Москве, за наш счет жируют, на денежных потоках сидят...

Напрасно столичный мэр доказывал, что говорить так — все равно что говорить о тетках, которые в Мирном на сор-

тировке пересыпают алмазы из одной эмалированной кастрюли в другую, будто они, эти тетки, сидят на несметных богатствах... Впрочем, чего они стоят, все эти аргументы, — блеск чужого богатства всегда ослепляет сильнее самих драгоценностей.

И вроде бы вот сейчас, когда выборная кампания закончилась и мэр снова триумфально победил на выборах, нет-нет да и выплеснутся наружу отголоски той ненависти — вулкан все работает, то и дело видишь или слышишь в средствах массовой информации:

«Ревизия организаций, занятых на строительстве МКАД, — убедительное свидетельство нечистоплотности московских чиновников!»

«За великими стройками мэру некогда подумать о реальных нуждах горожан — вместо третьего кольца городу не хватает простых подземных переходов (или туалетов — смотря по тому, какой пафос нагнетает издание)».

«Москва, прогнили купола!» — этот ликующий перифраз, набранный огромными черными буквами, сопровождал в газете грустное в общем-то сообщение, что в одном из любимых детищ мэра, совсем недавно сооруженном комплексе на Манежной, потекла крыша.

Ну и так далее...

Все это была, так сказать, предварительная информация к размышлению, навоз, удобрение, на котором должна была вырасти более или менее убедительная версия, объясня-

ющая причины покушения на одного из самых верных и самых надежных сподвижников мэра — на его зама по правительству и личного друга Георгия Андреевича Топуридзе...

Впрочем, все это, конечно, интересовало меня постольку-поскольку...

Место происшествия

Якимцев листал протоколы осмотра места происшествия и допросов свидетелей и слегка про себя дивился: налицо был тот редкий случай, когда картина событий оказалась зафиксированной в ее, так сказать, первозданном виде. Через пятнадцать минут приехала «скорая», а еще через пять — бригада местного управления внутренних дел, которая произвела оцепление. Затем прикатила оперативно-следственная группа ГУВД. Так что и следы сохранились и могли сказать сыщикам все что могли, и служебная собака, с ходу взяв след, уверенно потянула в сторону Вознесенского переулка, где киллера позже видели прохожие, с чьих слов даже был составлен словесный портрет и фоторобот — киллер, как это ни странно, уходил в открытую, без маски, на ходу бесцеремонно распахивая встречных, так что запомнился доброму десятку человек. Правда, куда именно он все-таки уходил, ясности не было, как не было ее и с тем, сколько еще человек участвовало вместе с ним в покушении, велика ли была группа... Как бы то ни было, оперативники «с земли» возникли настолько вовремя, что зафиксировали по горячим следам все, что было можно, и даже произвели опросы очевидцев...

Исходя из содержимого следственного тома, что лежал сейчас перед ним, Якимцев прикинул «фронт предстоящих работ» и тоскливо вздохнул. «Фронт» этот выглядел весь-

ма внушительно и как-то на удивление не вдохновляюще — сплошная рутина. Надо было теперь уже целенаправленно, поподробнее допросить нескольких очевидцев — раз. Надо было произвести допрос родственников и сослуживцев потерпевшего — два. И это при том, что нередко такой допрос ничего не дает, а времени отнимает страшно даже подумать сколько. Нужно было побеседовать, и, очевидно, не один раз, с самим Топуридзе — уж он-то наверняка заинтересован в том, чтобы вспомнить хоть какие-то подробности, высказать хоть какие-то версии, объясняющие факт покушения. Ну и самое тоскливое и бумажное — изучение служебной деятельности Георгия Андреевича. За просто так ведь никого не убивают подобным образом... Тут для уяснения мотивов, двигавших преступником, хорошо бы знать как можно больше: какие решения Георгий Андреевич принимал в последнее время, с какими людьми встречался, кому отказывал, кому давал добро, какие распоряжения или платежные документы подписывал. Все это морока совершенно особая. Сначала переживи скандал, который тебе устроят по месту работы жертвы, не желая, естественно, ничего показывать постороннему для них человеку, да еще слуге закона. А пережив этот скандал, покорпи-ка над папками каких-нибудь идиотских приказов по учреждению или над бухгалтерскими счетами, платежками, балансами... Или над теми и другими вместе, сведенными в отчеты, предназначенные для того, чтобы обмануть государство и своих же сотрудников

из числа непосвященных... Но тут, что называется, выбирать не приходится: хочешь не хочешь, а делать это рано или поздно все равно придется.

Подумав, Якимцев решил, что сам он отправится на место происшествия, одного из членов следственной группы, а именно дотошного Сидорчука, пошлет в местное управление внутренних дел — добрать протоколы следственных мероприятий и поспрашивать ребят там, «на земле». А ну как они что-то такое заметили, что и в протоколы не попало, вдруг оно, это «что-то», окажется очень важным... А на бумаги, в мэрию, он отправит прикомандированную к ним от МУРа оперуполномоченного старшего лейтенанта Елагину. Леночка — умница, красавица, и такая бумажная работа ей, аккуратистке, вполне может прийтись по душе. Главное — внушить ей, что важнее этого дела ничего нет и быть не может. Но это уж он сам должен постараться навешать лапши на уши не слишком опытному старшему лейтенанту милиции Елене Петровне Елагиной как можно убедительнее. Хотя почему лапши? В бумажных хитросплетениях добросовестный глаз способен открыть мно-огие тайны, спрятанные за семью печатями. Можно, скажем, утаить сам факт воровства, но всегда ли удастся скрыть факт расходования уворованных денег?

Его же самого интересовало, конечно, не место происшествия вообще — у него был совершенно конкретный интерес. Во-первых, девочки-продащицы из магазинчика

«Продукты на Клеонтьевском», где Топуридзе нашел первое укрытие. А во-вторых, конечно, тот охранник фирмы «Квант», который принял непосредственное участие в развернувшихся событиях. Если верить тому, что говорил этот охранник, Соколов Андрей Леонидович, он пытался оказать преступникам реальное сопротивление, даже вроде бы стрелял в сторону нападавших, но не попал и в конце концов был обезоружен преступниками, страховавшими киллера, получил черепно-мозговую травму (в деле присутствовала медицинская справка из травмопункта об опасном для здоровья ушибе затылочной части головы и обширной гематоме пострадавшего)... Как бы то ни было, а табельное оружие Соколова А. Л. — а это была не газовая какая-нибудь игрушка, а пистолет Макарова, 9 мм — оказалось в руках преступников, и, мало того, именно из него, кажется, был убит водитель, везший Топуридзе.

Словом, на ближайшие сутки-другие работой Якимцев был загружен по самое не балуясь.

Первым номером у него значилась встреча с девочками из магазина «Продукты на Клеонтьевском». Это был магазинчик самообслуживания — вытянутый, как кишка (он занимал какое-то бывшее служебное помещение на первом этаже жилого дома), и вдоль всей этой кишки стояли стеллажи с продуктами — выбирай на вкус, расплачивайся на выходе. На выходе же сидели две миловидные кассирши, к которым он и обратился:

— Здравствуйте, девочки. Я следователь городской прокуратуры, фамилия моя Якимцев Евгений Павлович, и я хотел бы с вами поговорить о том, что произошло девятнадцатого...

— Ой, — обрадовалась одна, одетая и накрашенная более ярко, чем вторая, — мы вам все расскажем! Мы уже рассказывали следователю... не вам, другому, но, если надо, еще расскажем, правда, Маш?

Вторая бросила на Якимцева быстрый взгляд, но ничего не ответила.

— Я знаю, что вы уже рассказывали, — стараясь быть обязательным, улыбнулся Якимцев, — но, может, вы что-то упустили? Может, сегодня я узнаю от вас что-то новое. Такое важное, что мы сразу найдем преступников.

Та, что поярче, охотно затарахтела, вспоминая все что можно и не обращая внимания на двух застрявших у кассы посетителей, — в магазине в этот час было пусто, да и вообще он, наверно, пустовал большую часть дня. Изредка вставляла одно-два слова и вторая — эта между делом быстренько отпустила покупателей, которые, впрочем, сразу не ушли — еще стояли какое-то время на выходе, делая вид, будто беседуют о чем-то своем, а на самом деле прислушиваясь к разговору следователя с девушками-продавщицами.

Выяснилось, что девушки видели через большие витринные стекла почти все и почти с самого начала. Хотя и боялись, как бы в них тоже не попали: сразу поняв, что это не

кино, что все по-настоящему, они, что называется, прилипли к окнам. Но, собственно, их рассказ лишь подтверждал все, что было уже известно: мужик с автоматом стоял внаглую на дороге, прямо перед машиной. Откуда он появился, девушки не видели, но видели, как обстрелянный черный автомобиль, вдруг совсем сбросив скорость, затормозил чуть ли не у самых ног киллера. А потом к этому, с автоматом, подскочил еще один: он, в отличие от стрелявшего, был в такой черной маске... знаете, как большие очки, и рот все шарфом закрывал, как простуженный. Этот сбоку заглянул внутрь машины, а потом выстрелил туда из нагана, а потом они оба побежали. Один вон туда — говорившая показала рукой в сторону центра, а вторая, Маша, вставила: «Он автомат свой бросил — вот так, отшвырнул и побежал...» Первая кивнула и продолжила с того же места, на котором прервалась: «А другой побежал вон туда...»

Если верить яркой девушке, второй побежал по Клеонтьевскому, в противоположную сторону той, откуда ехала машина.

— А почему вы говорите, что он стрелял из нагана? — заинтересовался Якимцев.

— Ну... этот из автомата стрелял, а у того такая небольшая штука была в руке, как в кино...

Якимцев распахнул куртку и вытащил из кобуры своего «макарова».

— Такая «штука»?

Обе девушки с уважительной опаской посмотрели на его пистолет.

И тут возник хозяин магазина — могучий брюнет кавказской наружности. Еще издали было заметно, как он строг, почти гневен.

— Что происходит? — грозно спросил он. — Что за шуры-муры? Девочки, вы почему не работаете, а развлекаетесь?

Вопрос глупый хотя бы потому, что перед кассами никого не было. Впрочем, увидев пистолет, кавказец сразу расплылся во вполне доброжелательной улыбке.

— Э... издравствуйте, — заискивающе сказал он подобострастно, не сводя с Якимцева глаз.

— Здравствуйте, — буркнул ему Якимцев, даже не подумав поддержать эту расположенность. Впрочем, как бы компенсируя это, он ухитрился (хоть и хмуро) пошутить — сказал, имея в виду пистолет: — Это не налет. Я следователь. С вашего позволения отвлеку девочек еще на несколько минут. Если вас это не устраивает, мне придется вызвать и их, и вас к нам в горпрокуратуру...

— Пожалуйста, пожалуйста! — еще охотнее расплылся во улыбке хозяин. — Если надо, мы всегда готовы помочь чем можем. Даже продуктами... Если надо...

— Продуктами не надо, спасибо, — отмахнулся Якимцев. Кавказец его вообще не интересовал — Якимцев уже знал из материалов дела, что владелец магазина во время покушения

отсутствовал в магазине, ездил закупать товар. И это вполне могло быть правдой: магазин в Москве держать — дело ой какое хлопотное...

— У, сука чернож... — с неожиданной ненавистью сказала вдруг говорливая девчонка, когда хозяин наконец исчез, унося с собой последнюю, самую медоточивую улыбку.

— Что так? — усмехнулся Якимцев. — Притесняет?

— А то вы сами не знаете! — неожиданно включилась в разговор вторая, молчаливая. — Сволочь та еще...

— Да ладно тебе, Маш, — остановила ее говорливая. Она, видимо, вообще проще смотрела на жизнь.

Якимцев с легкой досадой подумал, что это маленькое происшествие слегка изменило ход их беседы, а ведь надо было двигаться дальше. Итак, второго участника покушения девочки видели. Теперь надо было выяснить, запомнили ли они его внешность. Но тут они ничего сказать не могли. Он был в пальто, в этих своих черных очках... ну да, в полумаске, а в общем-то... Ведь они и видели-то его совсем мельком... Роста? Роста ну вроде немного выше среднего... А когда все кончилось, когда они решились выскочить посмотреть, что там, в расстрелянной машине, нападавших уже и след простыл — не было их в переулке ни с той, ни с другой стороны...

— Значит, вы не можете сказать, ни как он выглядел, тот, второй, ни куда он пошел, верно я вас понял?

— Знаете, — сказала Маша, — когда он руку с этим, ну с

пистолетом, тянул в сторону машины, мне показалось, что у него вот здесь, около пальцев, какие-то буквы выколоты — вроде как «Вова», что ли... У меня в общем-то глаза очень хорошие, но тут далеко... Может, я и ошибаюсь, но такое пятно... синее и по виду — именно как буквы...

Якимцев зафиксировал этот факт с некоторым сомнением. Все-таки девчонка и сама сомневается... Хотя и серьезная, а все равно, наверно, думает: «Как это так — меня спрашивают, а мне и сказать нечего!» Он попытал их еще насчет киллера — но тут показания девушек полностью совпали с тем, что уже было зафиксировано дежурной группой: коренастый, плотного телосложения, славянской внешности, кажется, блондин, движения выдают в нем человека тренированного, что действительно может говорить либо о спортивном прошлом, либо о какой-то спецподготовке. Правда, говорунья Лена добавила все же новую черточку:

— Вот еще — взгляд у него какой-то нехороший... Как стеклянный... Знаете, у меня брат наркоман... был, сейчас помер... Он, когда свою дрянь вколет, точно вот такой становится... Как стеклянный...

— Это что значит? — уточнил Якимцев.

— Ну знаете, глаза как остановились, даже на вас когда смотрит, как будто что-то совсем другое видит, а не вас. И движения... Движения — они какие-то не медленные, не плавные, а как-то... как бы по отдельности — если рука шевелится, то шея или там нога уже не сдвинутся, не повернут-

ся. Понимаете? Сначала рука, потом нога, потом шея, потом глазами хлопнет... Понимаете?

Якимцев не очень понимал, но кивал — вроде бы достаточно и намека на то, что киллер вел себя как человек, находящийся под наркотическим воздействием. Отбросить лишние слова говоруньи — так оно и получится. Это как раз зафиксировать можно, этого раньше не выявилось...

— Скажите, — задал он девочкам следующий вопрос, — а вот вы вышли из магазина, пошли к машине... Еще кто-то на улице был? Кто-нибудь еще подошел вместе с вами?

Девушки переглянулись.

— Был, был! — обрадовалась вдруг Лена. — Мы почему-то про него забыли...

— Нас никто про него не спрашивал, — поправила ее строгая Маша.

— Ну да... Но это неважно... Короче, вот тут машина стояла, «шестерка» синяя... А около нее стоял дядька. Он, наверно, все время, пока стреляли, около нее и стоял, боялся шаг сделать. А тут увидел, что мы выскочили, и тоже на середину улицы вылез. Все стоял и приговаривал: «Вот черт! Вот черт!»

— Сразу приговаривал или когда что-то увидел?

— Сразу, — сказала Лена.

— Нет. Когда увидел, что дядька этот жив — ну который потом звонил, — не согласилась Маша. — Что он из машины живой вывалился...

— Ну и что дальше?

Что было дальше, девушки не знали, потому что этот якобы перепуганный насмерть человек из «шестерки» как-то незаметно исчез, хотя машина его продолжала стоять чуть ли не до вечера. Ее тоже потом милиционеры осматривали...

По описаниям девушек этот третий мужчина был невысок ростом, немолод, одет как-то не по-московски.

— Как колхозник, — сказала Лена.

— Знаете, как будто он только что с вокзала, — сказала более развитая Маша. — И еще — брови у него такие, знаете... Вот бывает у пожилых людей волосы начинают расти из носа, из ушей, да? Вот какие-то такие у него брови — где нормальные, а где какие-то длинные, косматые...

Якимцев зафиксировал и это, предположив, что «шестерка», на которой к моменту осмотра не было номеров, принадлежала группе, в которую входил киллер; машина, как показал осмотр, стояла у магазина чуть не всю ночь, раньше она здесь не замечалась; никто, увы, не запомнил, были ли на ней номера вообще.

Ну что ж, можно было сказать, что поразмышлять ему уже есть над чем. Однако Якимцев собирался выжать из этой встречи все что можно.

— А скажите, — спросил он, — как вы догадались, что в расстрелянной машине кто-то жив? Почему вы решили ему помочь? Ведь отсюда, из магазина, наверно, невозможно понять, есть ли там кто-нибудь живой, в машине... Да и страш-

но, поди, было, а?

— Ужасно страшно, — подтвердила говорливая Лена. — А только мы даже не успели толком к машине подойти — мы только к кабине сунулись, а он сам наружу и вывалился... Я, знаете, даже закричала, а вы говорите — не страшно. Знаете, сидит на грязной мостовой, лицо белое, руки все в крови, как в краске, и рот то откроет, то закроет. Не то хочет что сказать и не может, не то так дышит... Мы как раз с Машкой к нему кинулись, чтобы помочь, да, Маш? А он сам встал и к нам пошел. Вот здесь встал, рядом с машиной, руками об нее оперся, а руки все в крови... брр... Шагнул к нам и говорит так, — она показала, зачем-то скривя рот, как он говорил. — Девочки, говорит, я министр московского правительства Топуридзе. На меня, говорит, совершено покушение, я ранен, водитель машины убит... Позвоните в милицию... У вас, говорит, наверно, есть телефон... И начал вдруг так садиться, садиться... А потом руками за снег хватается, а по снегу кровавые полосы — как в кино, честное слово! А потом вроде как очухался и снова: «Девочки, я министр московского правительства... У вас есть телефон? Вызовите, пожалуйста, „скорую“ и милицию...» Ну Машка вон и вызвала пошла, а я здесь осталась. А он, ну который министр-то, вырубился совсем. И главное, я потом смотрю — а у него мобильник из кармана торчит, представляете?

— Ясное дело — шок, — сказала та, которую звали Машей. — Это он от шока забыл, что у него телефон есть... Мы

его к себе в магазин потащили, чтобы все-таки не на улице... Знаете, морозит маленько, а он, наверно, крови много потерял... Мы его у нас около двери в уголок посадили, чтобы особо покупателей не пугать, а он очнулся... Я сижу около него на корточках, плачу, а он смотрит на меня снизу и все просит: «Девочка, милая, не отходи от меня, я тебя умоляю, не отходи...» То ли боялся один остаться, то ли думал, что эти, убийцы, снова вернутся... Как будто я его спасу... Это ведь шок, правда?

— Да ну, — сказал вторая. — Испугался, да и все. И мы с тобой испугались, скажешь, нет?

— Сравнила тоже! — Маша строго и требовательно посмотрела Якимцеву прямо в глаза. — Скажите, а он живой остался?

— Живой, живой, — засмеялся следователь. — Я думаю, когда выздоровеет — придет, спасибо вам скажет. Если бы не вы, ему бы так быстро «скорую» не увидеть, мог бы прямо тут, около машины, и умереть...

Он сказал это и подумал, что у него нет никакой уверенности в том, что Топуридзе придет в голову благодарить каких-то продавщиц. Но сам бы он поступил именно так...

Якимцев выписал повестки. Объяснил Маше и Лене, что они должны явиться к нему на Новокузнецкую для обстоятельного и детального допроса.

Теперь ему нужен был охранник «Кванта» Соколов Ан-

дрей Леонидович, 1965 года рождения. Что-то с товарищем Соколовым и его «наганом» получалось не то — либо какая-то нестыковка, либо кто-то что-то наврал...

«Квант» был совсем рядом с местом покушения на То-пуридзе, на той же стороне улицы, что и продовольственный магазинчик. Что «Квант» контора не бедная становилось очевидным с первого же взгляда: парадный вход отделан богатым красно-розовым гранитом, бронзовая, сияющая золотом табличка, плотный охранник в полувоенной форме, жующий жвачку, а вдобавок ко всему у него над головой, немного левее самого входа, камера наблюдения. Вернее, не камера — камера должны была быть, но ее не было, зато был хорошо знакомый Якимцеву кронштейн для нее. Кстати, подумал Якимцев, надо будет изъять и камеру, и кассету — чем черт не шутит, а вдруг на ней зафиксировались киллеры во всей красе.

Подходя к охраннику, Якимцев заранее достал свое удостоверение, раскрыл и показал жующему церберу.

— Следователь по особо важным делам Московской городской прокуратуры, — сказал он, освобождая охранника от тяжелой повинности читать документ. — Я хотел бы видеть кого-нибудь из вашего руководства.

— Ничего не знаю, — сказал охранник и равнодушно отвернулся, и не думая пропускать его к двери. Он даже не хамил, просто по-другому, наверно, не умел разговаривать. «Интересно, уж не тот ли это самый Соколов, который мне

нужен!» — усмехнулся про себя Якимцев.

Он не чувствовал себя ни задетым, ни оскорбленным или ущемленным. Ему поведение охранника было вовсе не в диковинку: работая в прокуратуре, приходится сталкиваться со всякой дрянью. Поэтому он среагировал так, как всегда реагировал в этих случаях, зная, что подобного дурака можно взять только на испуг. Поэтому Якимцев сказал особым, выработанным для таких случаев деревянным голосом, в котором не было ни злости, ни раздражения, ни угрозы:

— Вызовите своего старшего, если не хотите неприятностей.

Охранник угрюмо сплюнул в сторону и снова принялся жевать свою жвачку, оглядывая при этом следователя с недоброй усмешкой — будто оценивал его физические возможности, прикидывал реальность угрозы насчет неприятностей.

Якимцев тоже недобро усмехнулся, достал мобильник. Крайняя мера, конечно, брать человека, исполняющего свои должностные обязанности, на понт, но, похоже, иначе нельзя... А ведь и впрямь неслабая, наверно, контора этот самый «Квант», если даже какой-то охранник уверен, что может не бояться прокуратуры...

— Семеныч, — крикнул он в трубку, сделав вид, что набрал номер секретаря. — Это я, Якимцев. Да, да. Пришли мне человек пятнадцать «тяжелых» по адресу, — тут он посмотрел на табличку на углу строения, занимаемого «Кван-

том», — Клеонтьевский, 16. Ну да, где вчера стреляли. Кстати, скажи моим, чтобы подготовили побыстрее справочку, что это за шарашка такая «Квант» и на кого она работает...

И, не глядя на переменившегося в лице охранника, пошел к своей машине — якобы ждать, когда подъедут «тяжелые», то бишь ОМОН. Якобы потому, что мудрый Семеныч, уже знающий все уловки следаков, будет конечно же дожидаться подтверждения этого вызова. Послать пятнадцать человек во всей экипировке — дело не дешевое.

Прием, как всегда, сработал безотказно: уже через полминуты у его машины извивался какой-то «ведущий менеджер» фирмы «Квант»: «Ах, извините, работник нашей охраны неправильно вас понял... и хотя у него свое начальство, но я гарантирую, что он обязательно понесет наказание». Сам же «работник», стараясь не смотреть в их сторону, тоскливо и злобно переминался на столь бдительно охраняемом им высоком гранитном крыльце.

Уже через пять минут менеджер, назвавшись Кириллом Суровым, развлекал его в одном из уютных офисных помещений «Кванта», щедро угощая кофе с печеньем, пока специально посланная машина мчалась с заданием добыть хоть из-под земли и привезти в контору тяжело травмированного охранника Соколова Андрея Леонидовича. Словом, фирма делала все, чтобы никому не нужный инцидент был исчерпан окончательно.

— Вообще-то, как вы понимаете, — пояснил мене-

джер, — это не совсем, так сказать, в нашей компетенции. Охраной занимается совершенно самостоятельная организация, с которой у нас договор, но мы конечно же поставим вопрос об увольнении этого человека... Соколова, и, думаю, его начальство обязательно к нам прислушается...

— Ну почему же? — несколько деланно удивился Якимцев. — Я, правда, с ним еще не беседовал, подробностей, так сказать, из первых рук не имею, но ведь он вроде как проявил служебное рвение, пытаюсь помешать преступникам?

— Ну это как посмотреть... — не согласился менеджер, вальяжно прихлебывая кофе. Кажется, сейчас он был в своей стихии. Есть такая порода никчемных чиновников: любят сидеть вот так, развалясь, за кофе и часами молоть ни о чем, переливать из порожнего в пустое... — Он должен был охранять свой пост, для чего и нанят. Это раз. А второе: если он так легко распрощался с табельным оружием, какой же из него, извините, охранник, бодигард, так сказать? На него, как вы понимаете, и понадеяться нельзя!.. И вообще, он, как вот прямо сейчас выяснилось от его непосредственного начальства, склонен к употреблению горячительных напитков, а это, как вы понимаете, тоже не способствует поддержанию боевой формы...

— Ну... кто ж у нас в России не склонен к употреблению этих самых напитков? Это вы, пожалуй, перебарщиваете, а?

Однако сам Соколов А. Л. замечательно подтвердил последнее обвинение менеджера Кирилла: находясь вне служ-

бы и плодотворно используя представившиеся ему выходы, он позволил себе проанестезировать пострадавший организм, да так хорошо, что это чувствовалось и на расстоянии нескольких метров. Похоже, жуткая травма головы несколько ему в этом не помешала.

— Не болит? — спросил Якимцев, показав на его забинтованную голову.

— Не, — дерзко ответил тот. — Не болит. — И повернулся к менеджеру: — Слушай, Кирилл, что это за рыло?

— Ма-алчать! — рявкнул на него Кирилл, сорвавшись на фальцет.

На что Соколов А. Л. довольно равнодушно согласился:

— Ладно, молчу.

Менеджер Кирилл начал молотить что-то насчет того, что хотя охранники им не подчинены, парни там подобрались просто отличные, ничего плохого сказать о них он не может. При этом Кирилл почему-то придерживал сидящего с идиотской ухмылкой Соколова за руку — словно боялся, что тот вдруг вскочит и убежит.

— Может, слышали, охранное агентство «Гвардия»? Все бывшие служащие, прошедшие горячие точки...

Якимцев кивнул — слышал. Хотя по внешнему виду Андрея Леонидовича трудно было признать в нем человека с боевым опытом, а тем паче героя какой-нибудь горячей точки. Это был типичный прапор из хозяйственников. Когда Якимцев служил в армии, таких звали «макаронниками» за

то, что они оставались на сверхсрочную из-за немногих, но совершенно очевидных армейских благ: служишь — и не надо думать ни о квартире, ни об одежде, ни о жратве. Живешь на всем готовом — что может быть лучше для какого-нибудь ванька из глубинки, который никак толком не придумает, что ему делать со своей дурацкой жизнью. Впрочем, может, он был несправедлив к Соколову, может, им двигало что-то другое, какая-нибудь потаенная военная косточка... Одно только немного смущало: для прапора он был, пожалуй, суховат, излишне жилист. Может, шел не по интендантской, а по строевой части? Продувную его рожу, то и дело принимавшую кислое выражение — так он давал понять всем, в том числе и Якимцеву, что страдает от ранений, — украшали какие-то фанфаронские усики. Якимцев уже готов был поверить, что и страдает, и мучается охранник по-настоящему, если бы не поймал вдруг на себе его остро-напряженный, опасливый взгляд, который Соколов тут же увел в сторону. Чего-то он опасался. Чего? Чего опасаться герою, чуть не задержавшему киллера? Ответственности за утраченное оружие? Или еще чего-то, чего Якимцев пока не знал?

В небольшой, но даже уютной офисной комнате, которую отвел ему для разговора с охранником менеджер Кирилл, имели место стол с компьютером, пара современных конторских кресел на высокой трехпалой ножке, сейф, а также обитые деревянными панелями стены — не то претензия на роскошь, не то просто желание продемонстрировать, что фирма

«Квант» не чурается современного дизайна.

— Я, наверно, пойду, да? — нерешительно спросил Кирилл. — Я думаю, вам здесь будет удобно. Телефон к вашим услугам. — Он показал на аппарат. — Если надо, я тоже. — И строго обернулся к Соколову: — Ты давай дурака больше не валяй, понял? Отвечай все как есть. Этот товарищ — следователь по особо важным делам!..

— То молчи, то отвечай, — пробубнил себе под нос Соколов и осекся, заметив не принимающий никаких шуток взгляд менеджера.

Кирилл наконец исчез, и какое-то время Якимцев с Соколовым, оставшись вдвоем, сидели молча. Следователь молчал, потому что решил сначала хоть немного изучить охранника, а тот, видимо, ждал его первого вопроса, боясь сказать что-нибудь лишнее. Терпел, добросовестно изображая страдание от ран.

— Что, очень болит? — насладившись его физиономией, участливо спросил Якимцев.

— Болит, — не вдаваясь в подробности, ответил охранник. — Вы у меня что спросить-то хотите?

— Э, так дело не пойдет, — усмехнулся Якимцев, достав из «дипломата» бланк протокола допроса свидетеля. — Сначала давайте-ка я вам официально представлюсь, чтобы вы поняли, что с этого момента несете особую ответственность за каждое свое слово. Я провожу допрос. Вот здесь распишитесь об ответственности за дачу заведомо ложных показаний

и за отказ от дачи показаний. Это статьи 307 и 308 Уголовного кодекса. Ясно? Я следователь по особо важным делам Мосгорпрокуратуры Якимцев Евгений Павлович.

Соколов промолчал. Якимцев на ответе и не настаивал.

— Я расследую недавнее происшествие здесь у вас, в Клеоньевском переулке, свидетелем которого вы оказались...

— Это вы про стрельбу, что ли? — уточнил охранник.

— Про стрельбу, — усмехнулся Якимцев. — Давайте все по порядку, как положено. Ваше имя, отчество, фамилия.

— Ну вы же знаете... — начал тот, но осекся. — Ну Соколов Андрей Леонидович. Чего дальше-то?..

— Я же говорю: все по порядку. Адрес, номер паспорта. Почему вы оказались на месте происшествия, что видели, как поняли, что происходит что-то неладное... Давайте-давайте, не тяните время...

Охранник собрал морщины на лбу и тут же болезненно скривился — видимо, от этого движения шевельнулась кожа на затылке, и вправду причинив ему боль.

— Ну я дежурил в тот день... Мы вообще сутки через трое дежурим, поэтому извините, если от меня пахнет...

— Не отвлекайтесь, не отвлекайтесь, — остановил его Якимцев, которому вдруг показалось, что, после того как Соколов сам напомнил ему об этом обстоятельстве, перегаром в этой небольшой комнатке запахло еще сильнее.

— Ну вот, дежурил... Пост у меня как раз при входе в контору. Мы вообще-то вдвоем дежурим на улице, меняем-

ся каждые четыре часа. Я в восемь заступил, а в двенадцать должен был смениться... А где-то вскоре после того, как я заступил, пальба и началась.

— Э нет, — снова остановил его Якимцев. — Так дело не пойдет. Давайте-ка поточнее. Во сколько, по-вашему, началась эта, как вы говорите, пальба?

— Ну, думаю, в девять — девять с небольшим.

— Почему вы так считаете? Вы каким-то образом заметили время?

— Специально нет... Но в том доме, около которого все произошло, в одиннадцатом, живет заместитель руководителя администрации президента... Ну это здесь все знают... Он всегда в одно и то же время ездит, у него неслабый такой «мерседес», с мигалкой, со спецномерами...

Когда он дошел до того места, как киллер, в открытую держа автомат в руках, вышел на проезжую часть, навстречу нешустро едущему в сторону центра «ниссану», Якимцев снова вынужден был его остановить:

— Вы не удивились, увидев посреди Москвы вооруженного человека, да еще имеющего какие-то явно не мирные намерения?

Охранник даже не задумался:

— Нет, я не удивился. В Москве все не так, как везде. Еще и не такое можно увидеть. Вышел, — значит, имеет право.

— Вот как?

— Ну, может, это неправильно, но я тогда как раз так по-

думал: имеет право. А потом все происходило так быстро, что особо и думать-то стало некогда...

— А описать вы этого человека могли бы?

— Описать? Можно попробовать... хотя приметного в нем ничего не было... Автомат — обычная «акашка», «калаш» с деревянным прикладом, с подствольником... А сам мужик... Ну так... среднего роста, вроде меня... Такой из себя... крепкий... С оружием обращается уверенно... Либо бандюга, либо наш, из армейских... Такое на нем было темное пальто... нет, куртка — ничего особенного... Ударил по «ниссану» в упор, можно сказать... потом, видать, собирался добить из подствольника — я видел, у него граната уже запыжена была... Но из подствольника он не стал...

— Почему, как думаете?

— Думаю, слишком близко машина оказалась. Его бы самого тогда осколками достало.

Якимцев кивнул — похоже, это было действительно так.

— Значит, вы видели, как киллер расстреливает чью-то машину, вполне возможно, собирается стрелять из подствольного гранатомета, и что? Вы что, просто стояли и смотрели?

— Если б просто, — усмехнулся Соколов и снова сморщился, — был бы цел и невредим. — И, гримасничая, пощупал пострадавший затылок. Он явно сейчас собирался гордиться собой, даже, наверно, уже любовался как бы со стороны, потому что и в гримасе его, и в позах прибавилось некой

театральности, а опаска, с которой он поначалу реагировал на следователя, ушла из его глаз. Рассказ приближался как раз к той точке, в которой ему было чем гордиться...

— Ну и что же вы в таком случае предприняли? — спросил, словно одобрил эту накатывающую на охранника гордость собой, Якимцев.

Охранник посмотрел на следователя как на недоумка.

— Ну я же не просто стою на посту, как вы понимаете, у меня оружие. Настоящее, боевое, пистолет Макарова.

— Вот как? — Якимцев сделал вид, что удивлен. — Насколько я знаю, частным охранным предприятиям запрещено использование боевого оружия.

— Кому запрещено, а нашей «Гвардии» разрешено, можете не сомневаться, тут все чисто... Я вытащил пистолет и выстрелил, вернее, хотел выстрелить...

— Хотели выстрелить или выстрелили?

— Ну выстрелил... Я по инструкции действовал...

— Ну по инструкции вы, наверно, вообще вмешиваться не должны были, да?

— Не должен, верно... Это если вообще происшествие вне охраняемого объекта. Но тут же явно людей убивали... Вы бы, например, неужели не вмешались?

— Не знаю, — честно сказал Якимцев. — Ну и что? Вы, значит, по инструкции выстрелили в воздух...

— Ну да! Выстрелил в воздух, дурак, а надо было, наверно, на поражение стрелять сразу... Но как-то я сначала не

решился, а потом мне не дали...

— Что значит — не дали? Рассказывайте, рассказывайте, мне до ночи тут сидеть с вами недосуг! Это же вы там были, а не я! Вы видели, я нет, поэтому давайте, давайте! Да по возможности побыстрее, но чтобы со всеми подробностями! Поняли?

— Да мне особо и рассказывать-то нечего. Он, этот, который стрелял, был, выходит, не один, потому что меня сзади кто-то ошарашил по затылку — и все, я больше ничего не помню. Как еще не упал-то! Пришел в себя — башка болит, шишка страшная, пистолета моего нету, а около машины одни уже только девчонки, ну продавщицы из продуктового магазинчика нашего, возятся с мужиком каким-то, а он весь в крови...

— Так вы, значит, не видели того, кто вас ударил? Ну а с какой стороны он появился? Предположительно хотя бы?

— Видеть я его не видел, говорю же, сзади ошарашили меня и вырубили. Там вроде стоял на тротуаре мужик — невысокий такой, без шапки, белобрысый вроде... Не, не помню... Но это мало ли чего он там стоял, верно?

— Скажите, а на этом невысоком мужчине не было больших таких очков, вроде маскарадных.

— Да я его смутно как-то... Нет, наверно, очков все-таки не было, уж это-то я бы все-таки запомнил...

— Скажите, а вот этот человек — он не возле синих «жигулей» шестой модели стоял?

— Вообще-то какая-то машина там была... Нет, врать не буду...

Во всей картине теракта, которая возникла в воображении Якимцева после сегодняшних допросов свидетелей, было одно, но довольно серьезное белое пятно: исходя из имеющейся у него информации, он никак не мог установить, в какой именно момент возник «чистильщик», тот, который, вероятно, вырубил охранника Соколова и, судя по тому, что контрольный выстрел был предположительно сделан из пистолета Макарова, предположительно же добил водителя машины. Кроме того, кое-что нуждалось в уточнении: Якимцев так и не понял, как именно Соколов лишился своего пистолета. Сначала вроде получалось, что он потерял сознание. Теперь же вот он сказал, что хорошо, хоть не упал. Значит, он все же был в сознании?

Якимцев протянул руку к голове Соколова.

— Не возражаете, пощупаю вашу... м-м... травму?

Охранник дернулся от его руки, усмехнулся криво:

— Что, не верите, что ли? Щупайте, мне не жалко. Только не сильно, а то болит очень...

Следователь, осторожно сдвинув бинты, прошелся пальцами, раздвигая сальноватые волосы охранника. Да, шишка, то бишь гематома, была хорошая, что и говорить. Но чем его били, что она такая аккуратная? То есть Якимцев вовсе не хотел бы, чтобы у охранника была проломлена затылочная кость, но если Соколова били, как и положено, чем-то

тяжелым, металлическим — кастетом, например, рукояткой пистолета, — там была бы обязательно порвана, рассечена кожа. Здесь же имела место гладенькая, как яйцо, хорошо налившаяся застойной кровью шишка — и все. И никаких ран... Якимцев решил направить Соколова на судебно-медицинскую экспертизу.

— Скажите, Андрей Леонидович, а вы не в курсе, как была похищена камера слежения, та, что должна висеть у вас над входом?

Якимцев снова брал охранника на понт — камера могла исчезнуть и за день до покушения на Топуридзе, и сегодня утром, и вовсе не обязательно, что ее кто-то похищал...

— Камера? — искренне удивился Соколов. — Похищена? А, да, камера... телеглаз этот...

— Что — а, да? Вы видели или нет?

— Нет, я не видел... Я, наверно, уже был без сознания. А вам кто сказал про камеру?

Якимцев хотел проигнорировать этот вопрос. Да и не камера ему была нужна, конечно, а кассета, на которую могло быть запечатлено если не все происшествие, то хотя бы изображение киллеров... Где вот только ее искать... Нет, надо было все же попробовать дожать охранника.

Помучившись еще немного совестью — не слишком ли неправильным будет этот обман, — Якимцев решил, что в том, что он задумал, все же нет ничего особо противоречащего профессиональной этике, и сообщил, доверительно на-

клоняясь в сторону Соколова:

— Вы спрашиваете, кто сказал? Сказал ведущий менеджер охраняемой вами фирмы Кирилл Суров. Тот самый, что нас с вами познакомил.

Соколов среагировал на эту провокацию вполне пристойно.

— Ну если Кирилл Петрович сказал, значит, так оно и есть. Ему-то зачем зря болтать, верно? Они небось, когда меня вырубили, и камеру тоже того... чтобы не засветиться...

— Скажите, — задал Якимцев еще один вопрос про камеру: — Кто эту аппаратуру перезаряжает? Ведь кассеты, наверно, как-то потом хранятся. Вы, охрана, или это делают служащие фирмы?

Соколов снова наморщил лоб и снова болезненно скрипел, кажется опять по-настоящему, — теперь, похоже, можно было безошибочно угадать, насколько полнокровно очередное умственное усилие охранника.

— По-моему, наши...

— Значит, вчерашняя пленка должны быть где-то здесь, в здании, да?

— Ага! — обрадовался Соколов тому, что все это напрямую его не касается. Конечно же! Они, придурки, камеру сперли, а ведь пишется-то все здесь внутри! Точно! — Он даже хлопнул себя от удовольствия по коленкам. — Значит, вы их найдете, гадов этих, да? Найдите, товарищ следователь! Ведь у них, у сволочей, пистолет мой... Нет, я, конечно, по-

нимаю, что они двух человек замочили... но пистолет-то... Ведь они и еще кого-нибудь шлепнут, верно? А вина как бы на мне будет, да?

— Пожалуй, — сказал Якимцев, хотя подозревал, что Соколов ждал от него совсем другого ответа.

Чем дольше он допрашивал Соколова, тем сильнее в нем становилось какое-то брезгливое к нему недоверие. Какая-то липа обнаруживалась во всем, что было с ним связано. В том, как он страдал, как неестественно переживал из-за пропавшего пистолета, в его рассказе о собственном несостоявшемся героизме, в этих дурацких усах, наконец. Но чем вызвано это ощущение неправды, он до конца так и не мог понять. «Ладно, — решил Якимцев, — не последний раз видимся. Докопаюсь еще...»

— Скажите, а где вы служили? Я имею в виду в армии? — задал он вдруг не относящийся к делу вопрос. Может, что-то прояснится, если он узнает, из какой такой горячей точки возник этот охранник.

— В/ч 51256, — бодро, не задумываясь, отбарабанил Соколов.

— Ну это мне, штатскому, не по зубам, — усмехнулся Якимцев. — Что за часть?

— БАО. Батальон аэродромного обслуживания. Здесь, под Москвой. Точнее не могу — военная тайна.

Ну вот, кое-что уже понятно: БАО считались рассадниками сачков и пижонов даже в ту, большую войну. Наверно,

потому и охранник из Соколова был соответствующий: для красоты, для мебели стоять у входа в фирму — это пожалуй-ста, тем более что за это платят, и наверно неплохо. А как до серьезного дела дошло, до настоящей опасности... Хотя, если верить ему, все-таки он не струсил...

— Ну и почему вы уволились из армии? — спросил Якимцев, давая охраннику на подпись протокол допроса свидетеля.

— Что, я один, что ли, такой, — буркнул Соколов, довольно въедливо водя глазами по немногочисленным строчкам, зафиксировавшим основное из того в его ответах, что относилось к покушению на Топуридзе. — Надоело все. Вместо двухсот человек по штату осталось нас всего сорок семь. Главное — рядовых, считай, нету, с последнего призыва вообще ни одного человека. Сплошное начальство. Ну и соответственно чуть не каждый день то дежурить, то дневалить, то в карауле стоять. На кой хрен это кому сдалось! Я дома по несколько ночей не ночевал! Вот вы бы остались служить при таких делах?

Якимцев промолчал, не считая необходимым отвечать на этот вопрос, и бывший прапорщик воспринял его молчание как полную с ним, страдальцем, солидарность.

— Вот и я не остался, — с воодушевлением продолжал он, протягивая подписанный протокол. — Тут я хоть и рискую головой, зато деньги получаю. Ладно, хоть баба помягчала, а то когда последние месяцы служил, чуть не все печенки

перегрызла. Бабы, они знаете какие... Нет, теперь полегче...

И он, снова трагически сморщившись, еще раз потрогал свой пострадавший затылок. Чтобы Якимцев не забывал, какой перед ним заслуживающий всяческой симпатии человек.

Оперуполномоченный Мура старший лейтенант милиции Елена Елагина

Все-таки странный народ эти мужики! Все меряют по себе, почему-то думают, что ее прельщают погони, перестрелки, всякие там единоборства, что идеалом ее должен быть если не Ван Дамм, то железная Синтия Ротрок, способная одной левой ногой десятерых преступников увалить. Грязнов, когда отправлял ее в Горпрокуратуру, даже пояснил, как бы извиняясь, с нехорошей такой усмешкой: «На усиление посылаем». И члены группы — что этот симпатяга следователь Якимцев, что весельчак старший оперуполномоченный МУРа Сидорчук — тоже вроде как переживают, что послали ее не в засаду куда-нибудь, а всего лишь в архив мэрии. Да вы по себе-то не судите, мужики! Может, она всю жизнь только и мечтала, что рыться в бумажках, а потом анализировать, раскидывать мозгами — ловить гадов, не вставая с места. Вот как какой-то великий астроном, Гершель кажется, вычислил планету. Увидеть ее нельзя, а воздействие на другие небесные тела не заметить невозможно. Без ракет, без компьютеров, сидя на диване, установил человек, где она находится, какова ее орбита... С тех пор все знают, что такая планета есть, что она открыта... Вот так и ей бы: объ-

ект «А» отклонился от объекта «Б» или, наоборот, притянулся к объекту «В». А почему так, хотелось бы знать. Да потому, что на объект «А» воздействовала какая-то сила. Какая? А какой-нибудь «В», Жора Магаданский, который, отмотав срок, вернулся и внедрился в самую сердцевину местных уголовных связей, произведя в них некоторые искажения, возмущения, как говорят астрономы и физики. Кто-то скажет: ерунда все это, пустые рассуждения. И будет прав. Начнем с того, что это мечта, о которой она никому пока рассказывать не собирается. Это во-первых. А во-вторых, кто ей мешает проверить эту идею в реальной действительности и доказать всем ее жизненность? Вот сейчас она поедет в мэрию — сначала в отдел кадров, потом пойдет в бухгалтерию, оттуда в архив. И посмотрит, из-за чего планета Топуридзе сбилась вдруг со своей орбиты, что за невидимое пока тело стало причиной этого самого «возмущения».

Ей было весело бежать по центру города приготовившегося к встрече Нового года. Она давно уже чувствовала себя вполне взрослой, но до сих пор любила, как маленькая, этот единственный в своем роде праздник, пахнувший мандаринами и елкой, праздник загадывания самых больших и самых заветных желаний... Кстати, вот еще одно преимущество ее принадлежности к женскому полу: кто ей что скажет, если она возьмет да уйдет из здания бывшего Моссовета пораньше, чтобы пробежаться по магазинам? Да никто, потому что это ее святое женское право...

Однако же мечты — они только в мечтах и хороши, потому что, едва переступив порог бюро пропусков, она поняла, что оказалась чуть не по горло в вязкой жиже бюрократической трясины — как будто ничего здесь не поменялось со времен Моссовета. И пропуск пришлось ждать довольно долго, хотя он был заказан заранее и шла она не со слезливым прошением починить канализацию или выделить причитающуюся по закону жилплощадь, а, напротив, со стремлением помочь самой этой конторе найти виновников покушения на одного из ее главных чиновников... Потом она так же долго ждала, когда ее допустят к тайнам отдела кадров...

Приникнув наконец к этим тайнам, она вдвойне пожалела потраченного времени — информация, предоставленная ей кадровиками, была все-таки небогата. В «деле» Топуридзе был довольно подробно зафиксирован послужной список Георгия Андреевича. Кое-что в этом списке наводило на кое-какие размышления, но знаменитым астрономом с такой информацией, пожалуй, не станешь...

Она читала:

«Топуридзе Георгий Андреевич, национальность — грузин, родился... в гор. Боржоми Груз. ССР.

В 1966 году окончил среднюю школу.

В 1971 году окончил Тбилисский политехнический институт по специальности инженер-механик.

По окончании института работал мастером участка на Тбилисском механическом заводе.

С 1973 года на комсомольской работе — секретарь райкома, секретарь республиканского ЦК ЛКСМ Грузии.

С 1982 года в Москве — секретарь ЦК ВЛКСМ.

С февраля 1990 года в Московской мэрии — советник по внешнеэкономическим связям, вице-премьер правительства Москвы по внешнеэкономическим связям.

Женат, имеет двух дочерей».

Здесь же, в папке, она обнаружила справку, приготовленную кадровиками, очевидно, по какому-то запросу сверху.

Поначалу шло все то же самое: родился, крестился, по службой список. Но поскольку запрашивающих интересовали, очевидно, деловые качества Топуридзе, в справке были перечислены его основные подвиги на ниве общественно-социальной.

В восьмидесятые годы Топуридзе, оказывается, был создателем и координатором так называемой «комсомольской экономики» — руководил деятельностью стройотрядов, создавал на их базе МЖК — молодежные жилищные кооперативы и так называемые центры НТТМ (научно-технического творчества молодежи), при его непосредственном участии создавались первые коммерческие банки. В этой работе ему активно помогал в качестве помощника секретаря ЦК Исмаилов Джамал, переведенный в центральный аппарат из Грозного по инициативе самого Топуридзе Г. А. В мае 1990 года вместе с Борисом Рождественским организовал Московскую биржу (МБ).

В конце справки значилось:

«В то же время Г. А. Топуридзе являлся руководителем инновационных фирм СССР. Именно в этот период, занимаясь акционированием, он, очевидно, и стал обладателем того состояния, которое позволило председателю Государственной налоговой службы причислить Топуридзе Г. А. к числу самых богатых людей страны.

Г. А. Топуридзе отличают эрудиция, высокоразвитый интеллект, необычайная работоспособность, коммуникабельность. Великолепный организатор. Морально устойчив.

Широкий круг знакомств. Друзей не имеет. До недавнего времени поддерживал очень тесные отношения с упомянутым Джамалом Исмаиловым, ныне предпринимателем, совладельцем гостиницы „Балканская“.

Хобби — охота, кулинария. Общеизвестна любовь к хорошему застолью. Алкоголь — в меру. В состоянии алкогольного опьянения в общественных местах замечен не был.

Данных о действительных размерах состояния не имеется».

И мудрая приписка в самом конце вместо подписи: «Дано для предоставления по месту запроса». «Да, времена старые прошли, а кадровики старые остались», — усмехнулась Лена, подумав, что раз есть вот такая вот справочка «для предоставления по месту» с перечислением добродетелей, то почему бы не существовать и справочке о грехах этого, судя по всему, довольно неординарного человека? Вот бы полу-

чить-то! Да только кто ей такую бумажку даст!

Она снова пробежала справку глазами, придвинула лист бумаги, записала: Рождественский, Исмаилов. Рождественский был заместителем мэра, и факт их с Топуридзе давнего знакомства не мог не натолкнуть ее на некоторые размышления. Так же как и прерванная дружба с Исмаиловым. Этот Джамал был замешан в нескольких довольно шумных финансовых скандалах; каким-то образом его фамилия связывалась в Лениной памяти с покушением на Топуридзе, но вот каким — она никак не могла сообразить. Как бы то ни было, эта справочка уже пошла на пользу: она натолкнула Лену на мысль проверить круг старых знакомых потерпевшего. Именно там, в старых знакомствах, могут таиться какие-то события, случившиеся впоследствии в будущем, которое стало теперь настоящим...

Она еще раз пролистала дело. С фотографии на нее смотрел довольно симпатичный грузин с ямочкой на подбородке, с чувственными губами и по-грузински красивыми, немного печальными глазами. «Ишь ты, — подумала Лена. — Смерть девкам, да и только!.. Интересно, как он в профиль. Жалко, если носатый, нос все может испортить».

Она со вздохом закрыла папку, не переставая размышлять о содержащейся в ней необычной справке. Раньше она с такими не встречалась... Эта, очевидно, создавалась недавно, для последнего назначения Топуридзе — на должность заместителя председателя правительства... Надо, пожалуй, по-

смотреть приказ об этом назначении — уж там-то, поди, обозначен круг его обязанностей. В таком деле уже сами обязанности могут натолкнуть на соображения о причинах преступления...

И она попросила инспекторшу отдела кадров, неприветливую тетку, которую к ней сразу прикрепили, показать ей если не должностные обязанности Георгия Андреевича (должны же быть такие, верно?), то приказ о его назначении.

— Ну должностные обязанности я вам не дам, — не задумываясь, отрезала инспекторша, — только если мэр прикажет. Что он не прикажет — в этом я абсолютно уверена. А приказ о назначении сейчас найду...

Приказ, подшитый в специальной книге «Приказы мэра», был довольно лаконичен: «Назначить Топуридзе Георгия Андреевича заместителем председателя правительства г. Москвы по внешнеэкономическим связям...»

Это звучало очень неконкретно, расплывчато, а главное — как-то непонятно соотносилось с тем, что Лена слышала о том необъятном круге забот, которые взвалил на себя Топуридзе...

— А можно я посмотрю еще относящиеся к Топуридзе приказы?

— Приказы мэра? — уточнила инспекторша.

— Да, приказы мэра, касающиеся конкретных поручений Топуридзе. Можно?

— Только из моих рук, — сказала гримза. — Что вас ин-

интересует?

Лена задумалась. Скажи она сейчас: не знаю — на этом все и кончится. Не знаешь, ну и нечего тебе смотреть. И она решила пойти от тех самых разговоров о деятельности подстреленного вице-премьера, которых она немало наслушалась за последние дни.

— Ну вот, скажем, есть приказ о привлечении инвестиций в реконструируемый Гостиный Двор?

— Ах, в этом роде? — сказала с каким-то облегчением гримза-кадровичка. — Это пожалуйста.

Нашелся приказ, и не единственный, содержащий примерно одни и те же слова: назначить ответственным за привлечение инвестиций или за контакты с международными инвесторами Топуридзе Г. А. Такой приказ был и по поводу строительства комплекса Манежная площадь, и по поводу реконструкции гостиницы «Националь», и по поводу создания инновационных проектов, связанных с суперпроектом «Москва-сити». Как поняла Лена, Топуридзе оказался на роли как бы доверенного лица мэра на строительстве и курировании валютных гостиниц и чрезвычайно дорогостоящих городских объектов, вроде автодрома в Нагатино или того же «Москва-сити»...

Еще один приказ она увидела мгновенным, словно бы фотографирующим взглядом, когда придвинулась поближе к инспекторше, заглянула через ее руку — много ли там у нее еще. Мэр, он же председатель правительства, приказывал со-

здать комиссию по регулированию и соблюдению законности в сфере игорного бизнеса. Председателем комиссии назначался все тот же Топуридзе Г. А.

Инспекторша, уловив ее взгляд, мгновенно закрыла свою книгу.

— Ну, я полагаю, сполна удовлетворила ваше любопытство? — недоброжелательно спросила она. — Я могу вернуться к своей работе?

Лена могла бы и обидеться на такое отношение — не для своего же удовольствия она, в конце концов, провела здесь столько времени, могла бы и припугнуть кадровичку как следует, с прокуратурой шутки плохи. Но она не сделала ни того, ни другого — все равно болтаться в отделе кадров больше нечего. Выбравшись в коридор, она немного постояла у большого окна во двор, немного поразмышляла о том, куда двинуться дальше. Она еще не забыла, что собиралась пораньше унести отсюда ноги. Но кто ж знал, что все обернется именно так, как оборачивалось! Идя сюда, она думала, что все тут кипит и бурлит, а тут царила полусонная скука...

Лена встряхнулась, решительно взяла себя в руки. Нет, так дело не пойдет. Пожалуй, она двинется в бухгалтерию. Хотя нет, если она окажется в бухгалтерии, она точно завязнет там очень и очень надолго. Почему? Да все потому же — она опять-таки не знает толком, что там искать. Проверять, правильно Топуридзе получает свое жалование или нет? Да наверняка правильно. И наверняка ей покажут только те под-

писанные им платежные документы, что находятся в полном порядке, только «белую» бухгалтерию. А к тем, что не в порядке, она даже не подберется, потому что не знает, где искать. Стало быть, она должна продолжать свою разведку в начатом направлении: искать, чем Топуридзе занимается конкретно. Не вообще — «отвечает и обеспечивает», а конкретно: отвечает за то-то, обеспечивает то-то. Поставку такого-то оборудования или материалов, разработку таких-то проектов, строительство таких-то объектов, заключение таких-то договоров...

Она заглянула в свой блокнотик: Ковальская Галина Сергеевна, архивариус. Именно эту даму она должна найти, именно к этой даме ее еще от бюро пропусков направила невидимая руководящая рука.

Архивариусом оказалась молодая чернявая тетка с очень живым умным лицом, которое сразу понравилось Лене. Ковальская обнаружилась в довольно большой комнате, заставленной огромными стеллажами с папками дел, и тут же повела ее в закуток, половину которого занимал громоздкий стол, на одном краю которого высилась накрытая полотенцем могила из чайной посуды, а рядом привычно шумел, неистово сверкая красным индикатором, мулинексовский чайник. А на другой половине теснился новехонький мощный компьютер с прибабасами.

— Мы тут все больше чай-кофеи гоняем, — сказала Ковальская. — Не положено вообще-то, но этой традиции

столько уже лет, что никто с ней не борется... Тем более что говорят, и при Промысле боролись, и при демократе из демократов Попове, а все без толку. Я-то тут недавно, но кое-что застала еще из прежних времен. Такие бабки боевые сидели — будь здоров! Фронтовички... Каждая втихомолку свое досье на начальство собирала... Ну это я загнула, конечно, не каждая, некоторые. Но зато у этих некоторых и дачки казенные в Серебряном Бору были, и квартиры в хороших старых домах после реконструкции... Ну это я так, к слову, потому как сейчас ничего этого нет и в помине, да и штат обновился сильно. Я, например, в городской думе работала, яблочница была. Пошла сюда только из-за того, что жизнь идет, семья растет — жилищные условия улучшать надо, а здесь вроде как еще что-то своим отстегивают... как теперь молодежь говорит... Думала, не выживу тут, ан ничего, выжила, даже нравится.

Она выложила все это так, будто не было в ее информации ничего такого, чего и вовсе не надо бы знать чужому человеку. И сделала это как-то так легко, что эта ее открытость окончательно расположила к ней Лену. А Ковальская, словно услышав ее мысли, пояснила вдруг:

— Я почему вам все это выкладываю, Елена Петровна...

— Просто Лена, — поправила ее Елагина.

— Пожалуй, да, — согласилась Ковальская, — Елена Петровна вас как-то старит. — Она засмеялась. — Так вот, Лена, вываливаю я все это потому, что рада вам. Рада, что хоть

кто-то решил разобраться наконец в этих конюшнях. Многие видят парадную сторону — и никто не знает того, что творится за фасадом. Конечно, архивные документы откроют вам далеко не все, но многое в происходящем вокруг мэрии понять помогут. Вы ведь расследуете покушение на Топуридзе, я правильно поняла?

— Н-нет, — сказала Лена смущенно, но, заметив, как с лица Ковальской после ее слов начинает сползать та дружжелюбная улыбка, с которой она ее встретила, поспешила поправиться: — То есть да-да! Но только не я одна расследую, понимаете? Целая бригада, и я там лишь маленькая сошка. Нас всех куда-то направили, у каждого свой участок. Меня вот начальник группы направил к вам, понимаете? Только я чувствую, — Лена обвела взглядом полки, сплошь, до самого потолка, заставленные унылыми папками, — что прежде, чем я докопаюсь до чего-нибудь, здесь у вас и пройдет моя молодость...

— Да ну, что вы, Леночка! — поспешила разубедить ее снова ставшая приветливой Ковальская. — Архивы тем и замечательны, что сохраняют все. Только надо знать — что искать и где. Давайте-ка мы с вами для начала, чтобы наверняка сохранить вашу молодость и красоту, посмотрим знаете что... Давайте-ка мы с вами посмотрим предложки. То есть предложения на заключение договоров по инвестиционным проектам. Понимаете смысл? Это ведь самая что ни на есть епархия Топуридзе. По предложениям можно довольно

просто понять и направленность интересов основного заказчика, то есть Топуридзе, и его привязанности — наверняка тут будут встречаться повторяющиеся имена, я имею в виду имена партнеров, исполнителей, ну и так далее. По предложениям можно проследить, как осуществлялись проекты, а если не осуществлялись, а вместо них возникали другие, аналогичные, — то догадаться, почему именно проект не осуществился. Ну и соответственно можно увидеть степень конкуренции — сколько претендентов на тот или иной лакомый кусок, кому дано добро, а кому отказано. Вот от этой печки вы и сможете потом танцевать. Согласны?

— Да-да, конечно! — воодушевилась Леночка, которая, слушая, похоже, влюбленную в свое архивное дело Ковальскую, не переставала удивляться тем странным совпадениям, которые бывают в жизни, — ведь то, что говорила Галина Сергеевна, удивительным образом совпадало с ее недавними мыслями о «расчислении» планет. Поэтому она сказала счастливо: — Да-да, конечно! Давайте, Галина Сергеевна, сразу и начнем, хорошо?

— Ну ты и молодец! — рассмеялась та, легко и необидно переходя на «ты». — Прямо вот так: с ходу — и в хомут. Давай хоть чайку попьем, а? Ты ведь, поди, с утра ничего не ела? Ну и я тоже. А на голодное брюхо много не наработаешь!

Лена из вежливости согласилась, хотя совсем не хотела никакого чая, а хотела только одного — поскорее заняться

делом, чтобы потом поскорее отсюда уйти. Но у Галины Сергеевны все получалось как-то так весело и аппетитно, что, глядя на нее, Лена вдруг почувствовала, что и впрямь хочет чая.

Подошла еще одна архивная девица, Марина, и вообще выяснилось, что Галина Сергеевна тут, в архиве, была вовсе не одна, как Лене показалось вначале. Но только все, как мышки, шуршали где-то каждая в своем углу, архив занимал не одно это помещение. Но Марина почему-то нарушила негласный порядок, и, может, как раз потому она Лене не глянулась, хотя не раз пыталась вставить словечко, пошутить. Зато от Галины Сергеевны она все это время просто не отрывала глаз, как, впрочем, и та же Марина. А Ковальская, смеясь, рассказывала о «бабках», которые населяли этот архив до них, вспоминала стихи, которые любила сочинять их прежняя начальница.

— Мне всегда казалось, что она если не Маркса, то Ленина точно видела, — смеялась Галина Сергеевна, — И знаете, девочки, считала себя настоящей поэтессой, которую зажимают, не печатают, потому что у нее нет блата. Стихи она сочиняла к праздникам и больше всего гордилась виршами к Восьмому марта: «Главное, девчата, сердцем не стареть, любого посетителя новинкой одолеть!» Это она имела в виду новые формы обслуживания тех, кто приходит работать в архив. Ну а нам, дурам молодым, того и надо — уж как только не изгалялись насчет того, как и кого надо «одолевать»

новинкой»...

— А еще прочтите, Галина Сергеевна, — запросили в один голос Лена и Марина. — Еще вспомните!

Конечно, после такого чаепития все стало выглядеть совсем легко и просто. Галина Сергеевна села за компьютер, защелкала клавишами. Спросила у Лены:

— С этой техникой справишься?

— Да-да, конечно, — сказала Лена, радуясь в душе, что освоила компьютер еще в школе.

Галина Сергеевна вывела на экран большой перечень документов, показала, умело работая «мышью»:

— Вот этот файл посмотришь сама. Это, так сказать, побочные линии деятельности Топуридзе, дай ему бог здоровья, конечно. Видишь, аж девяностый год, продажа гуманитарной помощи через моссоветовскую сеть... Хорошее чутье у мужика, чуть не раньше всех понял, откуда ветер дует. Это ж надо — из ЦК комсомола ушел в Мосгорисполком... как бы на понижение... А вот этот файл мы с тобой посмотрим сейчас вместе, чтобы ты примерно знала, как работать с такого рода архивами. Это уже первая треть девяностых годов. Так называемый проект «Москва-сити». Ну готова, дочь попова?

И они на пару пустились в путешествие по коллекции документов, зафиксировавших многое из того, что дало свои ростки лишь годы спустя...

Когда они через какое-то время вывели основные тезисы

своего исследования на принтер, у них получилось примерно следующее.

Московский международный деловой центр (ММДЦ)
«Москва-сити»

Строительство Московского международного делового центра предполагается осуществить в районе Краснопресненской набережной г. Москвы на территории общей площадью около 100 га, из которых 60 га подлежат новой застройке. На этой площади будет создано 2,5 млн квадратных метров офисных, гостиничных и рекреационных площадей. В состав ММДЦ «Сити» войдут объекты общей стоимостью 10 миллиардов долларов. Центр будет представлять собой комплекс зданий для банков, бирж, страховых компаний. Он включит в себя основные атрибуты рыночных инфраструктур: спутниковую связь, разветвленную компьютерную сеть, широкий спектр информационных услуг. Предполагается, что ММДЦ явится связующим звеном между Лондонской и Токийской биржами. Управляющей компанией по созданию и развитию проекта ММДЦ выступает Открытое акционерное общество «Сити», созданное при поддержке правительства Москвы в 1992 году. На основании соответствующих договоров, подписанных с правительством Москвы, ОАО «Сити» выполняет функции Заказчика по всему проекту, а также является арендатором земли...

Затем следовало подробное описание проекта: застройка отдельных участков, этажность зданий (Лена впервые узнала, что при таком строительстве для достижения экономической эффективности высота зданий должна составлять не менее 110 этажей), фрагменты транспортной системы, соединяющей ММДЦ с основными транспортными артериями города (включая создание участка Третьей транспортной кольцевой магистрали с десятиполосным мостом, нескольких новых станций метрополитена, а также новой скоростной внеуличной транспортной системы «Шереметьево — Сити») и так далее. Описание всех этих проектов занимало десятки электронных страниц.

Специальная часть сайта была посвящена финансовой стороне дела. И здесь постепенно начала обрисовываться роль Топуридзе. Не входя поначалу официально ни в какие руководящие органы проекта, он командовал выпуском и размещением акций ОАО «Сити», а также распространением этих акций за ваучеры. Именно с его подачи, как говорили документы, был уволен первый директор ОАО «Сити» и фактически отстранен от проекта первый крупный западный инвестор — банк «Credit Suisse». Инвесторы по каким-то причинам менялись один за другим — то они не устраивали в конечном счете Москву, то их самих не устраивали некоторые неожиданно возникающие условия сотрудничества, — в частности, настоятельные рекомендации по участию иностранцев в не имеющих никакого отношения к стройке бла-

готворительных проектах. В итоге через какое-то время обнаружилось, что основным инвестором проекта «Сити» как-то сам собою стал столичный бюджет, хотя его денег было явно недостаточно. Впервые была оглашена сумма, необходимая для осуществления всего замысла, — 10 — 12 миллиардов долларов.

Для привлечения этих средств включаются новые составляющие: строительство парламентского центра (с огромным конгресс-холлом) и создание на территории «Сити» центра развлечений (казино, стриптиз-бары, боулинг-клубы и пр.). И едва ли не в доброй половине документов, сопровождавших прохождение проектов и их изменений, Лена и Галина Сергеевна обнаружили присутствие Топуридзе (что было в общем-то неудивительно), и еще несколько повторяющихся фамилий. Чаше других — фамилии Рождественского и Исмаилова. Рождественского, как показывали документы, более интересовала финансовая сторона дела, Исмаилова же влекло все, что было связано с гостиничным бизнесом и предполагаемым центром развлечений.

Словом, ребята суетились вовсю, а с инвестициями ясности ни у кого так и не было. Наконец в 1997 году правительство Москвы приобретает контрольный пакет акций Сити-банка. Банк распоряжением мэра назначается «главным финансовым агентом» проекта «Москва-сити». Председателем совета директоров банка рекомендовано избрать заместителя председателя правительства Москвы Георгия То-

пуридзе. В настоящее время уставный капитал банка 100 миллионов рублей, в числе акционеров банка правительство Москвы, ОАО «Сити», несколько крупных нефтяных и металлургических компаний...

Правительством Москвы установлено также, что участникам строительства ММДЦ предоставляются многочисленные налоговые льготы, предусмотренные законодательством Российской Федерации. А еще, что показалось Лене даже более существенным, в том же документе было черным по белому прописано, что в отдельных случаях участникам проекта могут быть предоставлены поручительства правительства Москвы для привлечения инвестиций и кредитов...

В конце этого сайта приводился перечень учредителей ОАО «Сити». В этом списке присутствовали такие крупные фирмы, как АО «Российская строительная компания» или коммерческий Универсалбанк, а также немного менее знаменитая холдинговая акционерная федеральная корпорация (АФК) «Квант» (председатель правления Б. Рождественский) и скандально известный гостиничный холдинг «Гостиница „Балканская“» (председатель правления Д. Исмаилов)...

Планы были развернуты, разработаны в отдельных частностях до мельчайших подробностей, инвесторы приходили и уходили, инвестиционные кредиты непонятным образом утекали сквозь пальцы (последние 250 миллионов, взятые у турок, ушли якобы на завершение реконструкции Гостино-

го Двора и комплекса на Манежной площади, а «Сити» от этих денег перепали лишь жалкие крохи) — короче говоря, реализация суперпроекта так и висела в воздухе, хотя вокруг уже всюду суетились и наживались тысячи самых разных оборотистых людей...

Потом, уже без Галины Сергеевны, Лена успела бегло посмотреть еще два сайта. Один по чрезвычайно заинтересовавшей ее АФК «Квант» — тут выяснилось нечто совершенно невероятное: мало того что хозяин этой корпорации Борис Рождественский, заместитель мэра, всюду занимается коммерческой деятельностью, на что он, вообще говоря, просто не имеет права по закону, он держит на руководящих должностях в корпорации бывшего министра СССР, а также генерал-полковника КГБ, бывшего заместителя председателя этого печально знаменитого комитета! Да, тут было над чем задуматься! Второй сайт был посвящен совместному предприятию (СП) «Гостиница „Балканская“», в котором значительная доля первоначально принадлежала московскому правительству. Возглавлял СП все тот же Джамал Исмаилов, которого, как выяснилось из сайта, рекомендовал на должность гендиректора СП не кто иной, как Топуридзе. Более того, с его же легкой руки Исмаилов являлся долгое время доверенным лицом и представителем правительства Москвы в этом самом СП, которое на самом-то деле давно уже никакое не СП, а безраздельная вотчина Исмаилова, что, очевидно, и породило запрос налоговой службы, выяс-

няющей, имеет ли «Балканская» льготы по налогам. Если не имеет, то недоплата налогов выливается, как поняла Лена, в астрономическую сумму...

Она словно очнулась, когда Галина Сергеевна мягко тронула ее за плечо:

— Девушка, ты ведь вроде хотела пораньше уйти?..

— А? — непонимающе спросила Лена. — Что вы говорите, Галина Сергеевна? — Она с трудом оторвалась от монитора. — А что, уже пора, да? Сколько сейчас?

— Который час, ты хочешь сказать? Сейчас уже половина восьмого.

Вот так так! Это что же, уже полтора часа, как рабочий день закончился, а Лена даже не заметила?

— Задержала я вас, да? Простите меня, ради бога, Галина Сергеевна!

— Ну что ты, что ты, — засмеялась та. — Мне, наоборот, приятно встретить такую энтузиастку архивного дела... Еще-то придешь?

Они расстались чуть ли не подругами.

Лена бежала по улице домой, представляя, как будут ворчать на нее домашние — отец за то, что задержалась неизвестно где, мать — за то, что не поспела вовремя к ужину: разогревай, мол, теперь для тебя, никак материн труд не ценишь... Она думала об этом и почему-то нисколько не расстраивалась — ведь она же делом занималась, дорогие родители! И главное — не просто занималась, что-то очень важ-

ное начало приоткрываться ей сегодня.

Хотя, надо сказать честно, если бы не замечательная Галина Сергеевна, пришлось бы ей к этим намечающимся открытиям идти так долго, что она, Лена Елагина, успела бы сто раз утратить весь свой интерес к тому самому «расчислению планет»...

Топуридзе

О том, что с ним хочет разговаривать следователь, Георгий Андреевич Топуридзе был поставлен в известность сразу же, едва дела его начали улучшаться. Улучшаться в том смысле, что, хотя болячки по-прежнему давали о себе знать, все-таки его уже меньше мучило и он окреп настолько, чтобы не впадать то и дело в горячее забытие. Раны затягивались плохо — все-таки он уже был не мальчик; а хуже всего, что они каждый раз напоминали ему о том страхе, который он пережил тем утром в Клеонтьевском переулке. Впрочем, на встречу со следователем он дал добро безо всяких записок вовсе не потому, что думал о страхе или о мести. Больше того, он был заранее уверен, что милиция никого не поймает, ничего не раскроет, все будет как всегда при заказном убийстве: сначала план «Перехват», потом фотороботы, потом разговоры об успешном ходе поисков, подробности которых держатся в тайне в интересах следствия, а потом как бы естественным образом забывают о том, что кто-то кого-то искал... Вон покушались несколько лет назад на вице-мэра — в открытую, с целью сорвать выборы, и что? Нашли кого-нибудь? Да ничего подобного! И главное — цепочка целая выстраивается, если говорить о Москве и ее властях: то стреляют в даму, министра правительства города, то в его собственного зама, в его правую руку Володю Брагарника. И

все без последствий для преступников. Милиции даже сказать нечего, хотя все происходит среди бела дня, на глазах множества людей. Как вот и с ним... И опять никто ничего не говорит якобы в интересах следствия, а на самом деле и ему понятно — никто ничего не знает! Хотя, надо полагать, в этих покушениях можно найти даже какую-то свою систему! Может, их, московских руководителей, не преступники, а федеральные власти отстреливают? Пугают время от времени. Показывают, что при случае могут кого угодно замочить, даже самого мэра. Невелика, мол, шишка, пусть особо не заносится.

Как бы то ни было, Георгий Андреевич сразу дал согласие на визит следователя, не стал тянуть ни дня — раз должна быть соблюдена такая формальность, он ее соблюдает. А вот что он будет следователю рассказывать, а чего не будет — об этом, конечно, надо подумать заранее...

Итак, подумаем, есть ли во всем этом паскудном происшествии нечто такое, чего не надо знать следствию и, что еще важнее, мэру, когда он придет проводить своего верного зама в правительстве (в том, что это обязательно произойдет, Георгий Андреевич не усомнился ни на минуту).

В самую первую очередь его интересовало, какая сволочь все это устроила. То есть он конечно же был заинтересован в том, чтобы нашли киллера, или киллеров, и примерно наказали. Но по большому счету, кто именно стрелял — это дело десятое. Главное — кто этого стрелка подослал, кто запла-

тил за музыку так, что вот теперь он должен, будучи больным, подстреленным, валяться в постели в обнимку с уткой, сам вычислять, откуда ему прилетел этот привет — хотя бы примерно. А уж исходя из этого, решать, что он может говорить следователю и мэру, а что нет. Потому что это покушение наверняка имеет причиной и какие-то его собственные, Георгия Андреевича Топуридзе, интересы. Ну а уж тут-то он до поры до времени многое хотел бы пока оставить в тени, потому что истинных размеров его деятельности на собственное благо пока, слава богу, никто, кроме него самого, и знать не знает. Да, хотелось бы, чтобы, несмотря на всю эту катавасию, многое так и осталось бы его тайной, что уж тут лукавить...

За годы своей причастности к властным структурам — а годы эти перевалили уже на четвертый десяток — он пришел к глубокому убеждению, определявшему многие его поступки: людей, имеющих право спрашивать отчета, как правило, интересуется не реальная картина, а та, которую они хотели бы видеть. Именно так было, когда он руководил низовой комсомольской организацией, так было, когда он руководил студенческими строительными отрядами, и уж тем более так было, когда он переехал в Москву, в аппарат ЦК комсомола. Точно так же все осталось и теперь, в новые уже времена, когда он попал в число ближайших сподвижников московского мэра, потому что по большей части здесь были те же самые люди...

Да, мэрия... Помнится, когда он решился на этот шаг — войти в команду будущего мэра, многие его приятели — все больше сослуживцы с похожей карьерой — смотрели на него с какой-то жалостью: такие, мол, возможности с этой перестройкой открываются в аппарате, а ты, Гога, дурака валяешь... Как раз наступало время, когда хлопцы из ЦК, глядя на старших товарищей, дружно прильнули к обнажившимся вдруг для доступа сосцам национального богатства; одни тогда пошли в большую власть, в депутаты, в министры, другие, пользуясь неограниченными возможностями пребывания наверху, кинулись в бизнес, в банковское дело, в магнаты массмедиа — там, в редакциях, на телевидении, Георгий Андреевич почему-то встречал особо много лиц, знакомых по коридорам Старой площади. Ну а он пошел за мэром. Собственно, мэр тогда еще мэром не был, вообще существовал пока на вторых, третьих ролях в городской власти, но Георгий Андреевич каким-то высшим чутьем угадал: вот как раз тот, кто ему нужен, за кого следует держаться. В общем-то и это тоже было понятно: ему, как и многим людям в стране, уже до смерти надоели говоруны, хотелось увидеть того, кто шел бы во власть, умея делать дело, обладая конкретной деловой хваткой. Короче, он выбрал себе лидера. Сделал ставку на будущего мэра — и не ошибся: вскоре тот поднялся высоко. А вместе с ним поднялся и Георгий Андреевич, да так, как ему при прежней власти даже и не снилось. Мало того, ему, как волонтеру первого призыва,

было особое доверие, а где особое доверие, там и особые милости... Кроме того, что было очень важным по нынешним временам, мэ́р, сделав человека своим, никогда его не предавал, не сдавал, как модно теперь говорить, используя криминальный жаргон. Может быть, поэтому у мэ́ра и была настоящая команда, где один — за всех, все — за одного, хотя собиралась команда с бору по сосенке и много в ней было не аппаратчиков, а технарей с производства и особенно любимых мэ́ром строителей.

То есть Георгий-то Андреевич знал, что «дружная команда», «монолит» — это во многом лишь красивые слова, но он знал также, как хотелось мэ́ру видеть эту свою команду именно такой, и для пользы дела он заставлял себя видеть и считать так же, как и шеф. А уж что Георгий Андреевич думал на самом деле — это было загнано так глубоко внутрь, что как бы и не интересовало его самого.

Так было обычно. Но теперь — больной, раненный — он не мог позволить себе кривить душой хоть в чем-то, потому что сейчас мог надеяться только на самого себя, а стало быть, обязан был видеть все вокруг совершенно объективно. Стоит охрана у двери — честь и хвала тому, кто об этом позаботился; ищет что-то милиция — честь и хвала ей; собирается посетить мэ́р — десять тысяч лет жизни ему! Но надеяться, рассчитывать в сложившейся ситуации он может только на самого себя, и верить он сейчас может не следователю, не охраннику, не мэ́ру — только самому себе!

Плохо, конечно, что он здесь напрочь отрезан от внешнего мира. Вот если бы добиться у лечащего врача разрешения на пользование персональным компьютером! Можно было бы по-прежнему или почти по-прежнему участвовать во всех делах, среди которых есть и весьма неотложные, и такие, которые никому другому никак не доверить. Да и просто — был бы «комп», Георгий Андреевич вышел бы сейчас в сайт новостей и сразу увидел бы всю информацию о покушении, а увидев, глядишь, и решил бы этот кроссворд — кто в него стрелял — сам, намного раньше официальных сыщиков. Но компьютера у него, увы, нет, и это при том, что он во что бы то ни стало должен, кровь из носу, иметь к приходу следователя более или менее ясную картину событий...

Как раз на этом месте его раздумий в палату вкатилась тележка с обедом, толкаемая дежурившей сегодня сестричкой Варей. К Варе хозяин палаты был равнодушен и звал ее в шутку то Варвареткой, то Барбарой, чем приводил девушку в легкое недоумение: ее восьми классов и медучилища явно не хватало для разгадки этой словесной игры.

— Обедать будете, Георгий Андреевич? — спросила Варя.

— Если с вином, то буду, — пошутил он, улыбнувшись девчонке как можно обаятельнее.

Но у Варваретки, как у девушки простой, явно было напряженно с юмором.

— Еще чего! — грубовато отреагировала она. — Какое

вам вино, вы же больной!

— Я не больной, я грузин, — засмеялся Георгий Андреевич, — а грузины все болезни вином лечат. Да шучу я, шучу, Барбариска, — пояснил он, снова заметив в ее глазах настороженное непонимание.

Вот так же она смотрела на него первое время, когда он называл ее то какой-то Барбариской, то Барбареткой, пока он не объяснил ей, что Варвара — это все равно что Барбара.

— Как Брыльска? — обрадовалась Варька. — Которая в «Иронии судьбы»?

— Ну, если хочешь, как Брыльска. Или как Стрейзанд.

— Стрейзанд — это кто? — спросила она. — Опять смеетесь, да? Это небось мужик какой-нибудь...

Не знала Варька Барбару Стрейзанд, ну и что из того? Такое поколение — знают только то, на что упал глаз, а то, что надо как бы специально узнавать, — их не интересует и даже отталкивает, и с этим — никуда не денешься — приходится считаться.

То ли сказывалось ранение, некоторый застой крови в чреслах, то ли его кавказский темперамент, но уже сам вид этой молодой, здоровой девчушки необыкновенно волновал его, пробуждал в нем желание. Конечно, он держал себя в руках, но от легкого трепя, от подшучиваний удержаться не мог. То он просил ее посидеть у постели, не убегать, то просил рассказать о себе, и девчонка охотно ему рассказывала про свою семью — семья была бедная, рабочая; рассказыва-

ла про своего парня — «такой дурак!» — и особенно много про бабу. Оказывается, бабу у Вари по матери была гречанка — вот откуда у нее такие черные вьющиеся волосы. Рассказывала, что она только этим летом кончила училище и теперь мечтает поступить в институт, хочет стать стоматологом — стоматологи много получают. «Хоть нажрусь досыта, верно?» Но все эти беседы и его подшучивания ничего в их отношениях не меняли. Она разговаривала с ним, наверно, как разговаривала и с отцом — снисходительно, невнимательно к ответам, как разговаривают с человеком много старше и не имеющим никакого сексуального окраса. Георгия же Андреевича совсем не отечески интересовали и ее кудряшки, и высокая молодая грудь, и особенно просвечивающие сквозь ее нейлоновый костюмчик очертания модных трусиков. Трусики Варька любила эротичные, ничего, наверно, не прикрывающие и обязательно с цветными кантиками по обхвату ноги. И кантики эти так играли, когда она выходила из палаты, что темпераментный Георгий Андреевич начинал ощущать себя не больным на больничной койке, а зрителем какого-нибудь забойного стриптиз-шоу — когда вроде бы и стыдно, и не очень прилично, а все равно не можешь оторвать глаз. Он, конечно, понимал, что вряд ли может на что-то рассчитывать. Кто он для нее? Старик, пациент — особенно после того как она ставила ему клизмы или вытаскивала из-под него судно. Да он, если честно, ни на что особо и не рассчитывал — не растлитель же он мало-

летних, в самом-то деле, у него ведь за стенами этой палаты есть и красавица жена, и любимая женщина (не жаловал Георгий Андреевич грубоватое русское слово «любовница» — казалось оно ему неприличным, чуть ли не матерным). А вот смотреть на нее готов был сколько угодно. Размышляя об этом наваждении, он даже подумал, что жена, наверно, не только приревновала бы, нет — осудила бы его за этот интерес к девочке. «Подумай, Гоги, — сказала бы она, — у нас дочери скоро достигнут такого возраста, ты же не хочешь, чтобы какой-нибудь немолодой козел...» Ну в этом духе. А вот Настя, любимая женщина, та, пожалуй, поняла бы. Поняла бы, что не о грязных помыслах речь — просто так он чувствует себя живым, полноценным человеком.

А кроме того, Варька напоминала ему девочку из его родного Боржоми, что жила по соседству, во дворе с большим тутовым деревом, ходила в одну с ним школу. У нее были такие же завивающиеся в мелкое кольцо темные волосы и такая же молочно-белая кожа, так усыпанная по груди и плечам веснушками, что всегда хотелось узнать: а там, под платьем, она такая же веснушчатая или нет?.. Сейчас его собственные дочери — ровесницы той девочки из соседнего двора, но он, если честно, приходит в ужас, когда думает о том, что, может, есть на свете какой-то мальчик или не мальчик, который смотрит на его девочек такими же жаркими, жадными глазами, какими смотрел тогда он...

Георгий Андреевич поел, не чувствуя того, что попадает

в рот. Он хоть и любит хороший стол, но разве же не понимает, что не в ресторан попал. Есть можно — и ладно. А в обычных, муниципальных, говорят, кормят теперь чуть ли не хуже, чем в тюрьме... Сдвинул поднос с пустыми тарелками и замер, ожидая, когда придет Варя и уберет, продолжая размышлять все о том же. Да, семья — это тыл, это самое надежное и святое, что может быть у человека. А как же Настя? — спросил он себя. Ну Настя — это совсем другое... Это та часть души, которая до самой смерти остается неутоленной и тем подтверждающей, что ты еще жив...

Настей она была для него, а вообще-то для всех остальных она была Анаис — известная всей стране певица, красивая, яркая, броская, необычная, словно и не женщина вовсе, а существо из некоего другого мира, созданное специально для поклонения всех смертных и того мужчины, которому позволено будет находиться с ней рядом на правах близкого человека. И вот так вышло, что с ней рядом оказался он, не очень склонный к поклонению и не очень любящий выделяться из толпы...

Кстати, вдруг подумал Георгий Андреевич, едва вспомнив Настю и все, что с нею было связано в последние дни, — а не ее ли бывший устроил это идиотское покушение? Этот Лерик ее? С него станется... Привязался ведь на днях, даже в драку полез... Неизвестно, хорошо ли, плохо ли, что в тот момент Георгий Андреевич не сдержал себя — сильно поплатился бывший, говорят даже сотрясение мозга по-

лучил... Бывшего Настиного сожителя, к слову, тоже знала вся страна — не один год этот альфонс выступал с ней в паре. Но она-то — талант от Бога, красавица, а он — сморчок, ни кожи, ни рожи, ни голоса — так, чего-то кривлялся рядом... Но вообще-то вряд ли у Лерика хватило бы пороху решиться на покушение, на стрельбу. Драка — это одно, а убийство... Тут ведь характер нужен. А какой уж там характер... Не зря ведь пошли слухи, что Лерик после расставания с Настей засветился как «голубой», хотя это могут быть чистой воды сплетни... Это же люди искусства, тусовка! Там все в каком-нибудь дерьме. Хотя, конечно, если он и правда «голубой», мог найтись какой-нибудь урод, чтобы сделать любовничку приятное, выйти с ножичком... А с другой стороны, такая сволочь действовала бы исподтишка. Нет, на Лерика не похоже, хотя, конечно, надо будет еще вернуться к той драке у «Околицы», что-то там было не просто так. Как бы то ни было, следователям о той драке он рассказывать конечно же не будет. Рассказать о ней — значит упомянуть Настю, значит пустить чужих людей в свою личную жизнь.

Радую глаз, снова прискакала Варваретка, забрала поднос, спросила, не требуется ли ему утка. Георгий Андреевич на нее даже обиделся: он о ней думает как об объекте вожделения, а она о нем — как о некоем испражняющемся, ничем не интересном мешке с костями и требухой... Ух, как он ненавидел сейчас эту утку, как злобно мечтал о том дне, когда он наконец сможет добраться до туалета сам. Он бы сделал это

прямо сейчас, но, как ни крути, если он хочет выздороветь, придется ему терпеть это унижение как минимум еще пару дней. Видел он этот шов на животе, через который хирурги добирались до его разворошенной пулей требухи. «Ваше счастье, что это была пуля калибра 7,62, а не облегченная 5,45, – сказал ему потом, перед отправкой, хирург из Склифа, который пришел полюбоваться на свою работу — все ли в порядке. — Та бы вам разворотила внутри все что можно. А эта все-таки по-божески прошла... Мы такие дырки в Афгане тысячами штопали, за серьезные раны даже не считали... Селезенка чуть-чуть, так мы вам ее починили, а кишки... Кишки вообще ерунда — подзаштопали, ничего не почувствуете». Утешал как умел, спасибо ему, хотя все эти места, где пуля внутри прошла, Георгий Андреевич до сих пор чувствовал при малейшем движении — совсем не так, как две те, другие, что продырявили мякоть...

Обида на Варьку как вспыхнула, так тут же и прошла — ребенок, он и есть ребенок, хоть и соблазнительный. Она дошла до двери, снова заставив его любоваться игрой цветных полосочек на ягодицах. Интересно, знает она об этом эффекте? Наверняка знает. В таком случае, на кого эта приманка, эта липучка рассчитана, на какое такое похотливое насекомое? Уж наверняка на кого-то помоложе и поинтереснее, чем он. Или это просто инстинкт, широкий заброс, обычный девичий подсознательный расчет — а ну как кто-нибудь да клонет, вытащит ее подальше от клизм и уток в какую-ни-

будь другую, красивую жизнь? Так все-таки ребенок это или женщина? — спросил он себя. — А может, дело в том, что женщина — она уже прямо с пеленок женщина? Наверно, так, если судить по тому, с каким увлечением его дочки таскают у мамы косметику чуть ли не с двух лет... Обезьянки...

Варька дошла до двери и сказала, полуобернувшись:

— Посмотрела я вашу Барбару эту, Стрейзанд. Ну ничего вообще-то, только она какая-то некрасивая... Носатая...

Он кивнул — посмотрела, и молодец. Не нравится девчонке, что он ее вроде как сравнивает с американкой. Не объяснять же дурочке, в чем прелесть этой великой актрисы и певицы, в которую была влюблена вся Америка, а президенты считали за честь водить с ней дружбу.

— А вам она правда нравится? — недоверчиво спросила Варька, все еще собравшись закрыть за собой дверь.

— Правда, — ответил Георгий Андреевич.

Варька кивнула удовлетворенно:

— Я так и думала.

И скрылась наконец, не снизойдя до того, чтобы рассказывать, чем же ей самой все-таки Барбара не понравилась. Ну да бог с ней, с девчонкой. Вырастет — поумнеет... Что там может быть дальше? Его Сити-банк? Банк закрытый, он в нем президент совета директоров, но непосредственно к деньгам отношения не имеет, даже зарплату получает чисто символическую, сам лишь на таких условиях согласился директорствовать. Люди сведущие (а его заказывал несомнен-

но человек сведущий) не могут не знать, что на нем лишь самые общие решения — об инвестиционных проектах, о тенденциях биржевых сделок, о приобретении недвижимости. Что ж, за это, пожалуй, убивать не с руки. Тем более что никто никаких требований ему не выдвигал, в совете директоров у них никакой борьбы между собой, никакого несогласия — все вроде бы единодушны.

Нет, похоже, до прихода сыщика ему не разобраться...

Младший советник юстиции Якимцев

Якимцев позвонил в Склиф, чтобы узнать, может ли он переговорить с пострадавшим, и с некоторым изумлением узнал, что Топуридзе там уже нет — выздоравливать после операции его отправили в один из филиалов ЦКБ. Евгений Павлович было удивился, но потом сообразил, что сделано это было, видимо, не столько по соображениям престижа, сколько ради безопасности Топуридзе. В Склифе в совсем недавнем прошлом было несколько случаев, когда недобитую жертву внаглую кончали прямо в больничной палате... С другой стороны, такая транспортабельность только что прооперированного человека означала, что он вполне в состоянии побеседовать со следователем. По крайней мере как лицо заинтересованное в этом много больше других. Так оно и оказалось.

Через занесенный снегом яблоневый сад Якимцев прошел по широкой, тщательно расчищенной аллее к большому стеклянному фонарю входа в эту по-своему знаменитую больницу, которая до пертурбации лишь снисходила до обслуживания московского начальства и специализировалась на кремлевских небожителях. Да, в такой больнице чем угодно болеть — одно удовольствие. Она и снаружи производи-

ла впечатление, а что уж говорить о том великолепии, которое начиналось внутри! Из мраморного вестибюля высокопоставленный страдалец сразу попадал в огромный, залитый светом холл, больше похожий на какую-то оранжерею — растения в кашпо, растения в вазонах, растения в горшках, растения просто выющиеся по стенам, а между благолепием этих зеленеющих и цветущих куш — бесшумный и как бы бесплотный, но до приторности вежливый и предупредительный медперсонал в ослепительно белой спецуре — язык не поворачивается назвать эту одежду халатами. И все больше этот персонал — молодые красивые женщины: похоже, как сахар привлекает мух, так и сверкающее великолепие этой спецбольницы неудержимо влечет к себе отборных лекариц — особенно медсестер...

Да, так-то болеть можно, еще раз подумал Якимцев, следуя за взявшейся проводить его до места медсестрой. Между прочим, никто ни о чем не просил — регистраторная сестра, выписав ему пропуск на вход в палату Топуридзе, прежде чем отдать его, позвонила по телефону: «Варя, иди встретить посетителя к твоему больному из десятой». И сестра почти тотчас же спустилась за Якимцевым — хорошенькая, чернявенькая, замечательно молодая. Это было круто — особенно если учесть, что всего несколько минут назад Евгений Павлович на уличной проходной оформил пропуск на вход внутрь больницы. Прямо как ядерный стратегический объект, думал он, время от времени поглядывая на завиток

волос, выбившийся из-под шапочки своего гида, — небось, единственная женская вольность, которую она могла себе здесь позволить. А ведь не зря эти прядки у школьниц раньше назывались завлекалочками...

Они поднялись на нужный им третий этаж. Пост был почти рядом с палатой — за приставленным к стене столом ночной дежурной сидел, полуразвалясь, скушающий милиционер с коротким автоматом через плечо. Он нехотя поднялся, когда провожавшая Якимцева сестричка притормозила подле него и демонстративно отошла в сторонку, дав тем самым понять: она свое дело сделала и больше она ни при чем. Пацан с автоматом сначала взял у Якимцева пропуск, потом потребовал удостоверение и долго изучал, прежде чем, важно кивнув головой, милостиво вернуть.

— Проходите, — на всякий случай сказал он, снова опускаясь на свой стул, от которого у него, вероятно, ныло уже все тело. «Ну вряд ли от тебя был бы прок, подумал Якимцев, явись я сюда с недобрыми намерениями...»

Да, снова сказал он себе, открыв дверь в палату, так болеть можно. Ему живо вспомнилось, как он сравнительно недавно навещал лежащую в Первой Градской родную тетку. Тетка лежала в палате на двенадцать человек. Вряд ли кто-нибудь смог бы его убедить, что тетка хоть чем-то хуже человека, который страдал в этой просторной и светлой палате один.

Они разглядывали друг друга, причем больной — с неким

настороженным напряжением.

— Здравствуйте, Георгий Андреевич, — поздоровался Якимцев, по возможности смягчая улыбкой то обстоятельство, что Топуридзе, хозяин территории, понятия не имеет, кто к нему явился, и поспешил представиться: — Якимцев... Евгений Павлович. Следовательно по особо важным делам Мосгорпрокуратуры...

В ответ на это потерпевший, что Якимцеву понравилось, сразу привстал на своих подушках; он теперь как бы и не совсем лежал, давая понять, что относится к визиту следователя со всем возможным уважением. Еще Якимцеву понравилось, что потерпевший был чисто выбрит: при его-то кавказском происхождении не побрейся он с утра — выглядел бы невозможно заросшим. Следит, значит, человек за собой. Вообще он был симпатичный мужик: на хорошей спортивной шее мощная патрицианская голова — волевой подбородок, живые, умные глаза. Между прочим, у чиновников глаза рано становятся неживыми...

— Извините, — сказал он с едва уловимым кавказским акцентом, — что встречаю в постели. — И улыбнулся. — Зато доступ к телу практически свободный.

Эта тень самоиронии Якимцеву тоже понравилась. Словом, человек сумел расположить его к себе сразу же, хотя Якимцев ехал сюда с некоторой опаской — общение с зажавшимися чиновниками большого удовольствия, надо сказать, никому не доставляет.

— Устраивайтесь, как вам удобнее. — Пострадавший повернулся к застывшей на пороге, не уходившей сестре. — Варенька, сколько нам Никита Валентинович времени отпустил? — Якимцев уже знал, что Никита Валентинович был его ведущий послеоперационный врач, профессор медицины. — Десять минут? — Топуридзе перевел на него свой лаково-антрацитный глаз. — Управимся, Евгений Павлович?

— Вряд ли, — вздохнул Якимцев. — Но ведь и выбора у меня нет, верно?

— Слышите, Варенька, — засмеялся потерпевший, — мы согласны. Так что на ближайшие... м-м... пятнадцать, нет, двадцать минут вы свободны.

— Ох, Георгий Андреевич, — не без кокетства томно вздохнула девица. — Через пятнадцать минут чтобы посетителя уже не было. — И выплыла из палаты.

Они посидели, молча глядя друг на друга. Отпущенное время шло вовсю, а Якимцев все не знал, как подступиться к разговору с этим неожиданно живым больным. И вообще, если бы не сильная бледность, не эта больничная обстановка, ему, пожалуй, и в голову не пришло бы числить обитателя палаты довольно тяжело раненным. Наконец он решился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.